

Александр
Шевцов

ТЕОРИИ ВНИМАНИЯ

Прикладная культурно-историческая психология

Александр Шевцов

Теории внимания

«Издательство Роща»

2013-2019

Шевцов А. А.

Теории внимания / А. А. Шевцов — «Издательство Роща»,
2013-2019 — (Прикладная культурно-историческая психология)

ISBN 978-5-902599-72-2

«...Внимание, безусловно, чрезвычайно важно. Без него невозможно ни самопознание, ни раскрытие способностей, ни такие древние искусства, как йога, к примеру, или тантра. Без внимания просто не достичь успехов в жизни. Точнее, без умения им управлять... ...В сущности, овладение вниманием кажется мне необходимой ступенью в познании себя и раскрытии собственных способностей. Вот исходя из этой задачи, я и намерен строить работу по овладению им... ...Теории внимания так или иначе творят описание изучаемого явления. Таким образом, задача этой книги – создать с помощью всех доступных мне средств исходное описание внимания, которое позволило бы начать полноценное изучение этого явления и выход на прикладную психологию внимания...»

ISBN 978-5-902599-72-2

© Шевцов А. А., 2013-2019
© Издательство Роща, 2013-2019

Содержание

Введение	6
Часть первая. Самое общее понятие о внимании	7
Глава 1. Что такое внимание?	8
Глава 2. Внимание в языке	11
Глава 3. Немного о познании и созерцании	14
Глава 4. Описание	18
Глава 5. Внимчивость	20
Глава 6. Продолжая описание	22
Глава 7. Забота со вниманием	24
Глава 8. Сосредоточение мыслей	27
Глава 9. Сосредоточение на мысли	31
Глава 10. Принять во внимание	34
Глава 11. Уделить внимание	37
Глава 12. Направить внимание	40
Глава 13. Слушать со вниманием	43
Глава 14. Отвлечь внимание	46
Глава 15. Заострить внимание	49
Заключение	52
Часть вторая. Философия внимания	54
Глава 1. Старые философские словари	55
Глава 2. Внимание советской философии	57
Глава 3. Внимание новой русской философии	59
Глава 4. Английская философия. Милль	61
Глава 5. Внимание и ощущение – одно	64
Глава 6. Внимание Канта	68
Глава 7. Внимание Локка	70
Глава 8. Практика внимания	73
Глава 9. Степень интереса. Гербарт	76
Глава 10. Забота о другом	78
Глава 11. Французская антика. Адо	82
Глава 12. Забота о себе самом в христианской философии	85
Глава 13. Семена души. Фуко	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

А. Шевцов

Теории внимания

© Шевцов А.А., 2013-2019

© Издательство «Роща», 2013-2019

Введение

Внимание, безусловно, чрезвычайно важно. Без него невозможно ни самопознание, ни раскрытие способностей, ни такие древние искусства, как йога, к примеру, или тантра. Без внимания просто не достичь успехов в жизни. Точнее, без умения им управлять. Но я не знаю, что такое внимание!

Я даже не знаю, является ли внимание способностью... Или, быть может, это некое свойство? А я могу обладать способностью, управлять этим свойством? Но тогда свойством чего является внимание? Не свойством меня же!

В мире существует множество работ, посвященных вниманию. О нем писали люди, которых можно назвать практиками. Например, Станиславский и Чехов учили актеров, как овладеть вниманием, чтобы играть на сцене. Знаменитый адвокат Кони писал о том, как важно понимать, хорошо ли владеет человек вниманием, чтобы выносить суждение о качестве его свидетельских показаний.

Но никто из них не дает определение того, о чем пишет! Для них это либо слишком сложно, либо не нужно! А внимание – это нечто, что само собой разумеется и понимается!

Психологи же, наоборот, очень много раз пытались определить внимание. Причем, их понимание внимания претерпело несколько качественных скачков. И начинались обоснования каждого нового скачка с признания, что предыдущее понимание внимания неудовлетворительно... Завершилось этот тем, что в рамках самой современной и повсеместной школы психологии – когнитивной психологии – ученые совсем отказались от теоретических разработок внимания.

Тем не менее я надеюсь, что ответ где-то есть, и намерен сначала поднять все доступные подсказки о том, что такое внимание, а затем выйти на прикладную работу с ним.

В сущности, овладение вниманием кажется мне необходимой ступенью в познании себя и раскрытии собственных способностей. Вот исходя из этой задачи, я и намерен строить работу по овладению им.

Книга называется «Теории внимания» не в том смысле, что я собираюсь создать некую теорию, а в том, что в ней как в своего рода введении в предмет я прорабатываю все доступные мне теории внимания. «Теория» в переводе с греческого означает созерцание. Действительная теория – это описание того, что ты созерцаешь, что увидел и сумел рассмотреть.

Теории внимания так или иначе творят описание изучаемого явления. Таким образом, задача этой книги – создать с помощью всех доступных мне средств исходное описание внимания, которое позволило бы начать полноценное изучение этого явления и выход на прикладную психологию внимания.

В той части, где я делаю выводы и пытаюсь сказать что-то свое, я опираюсь на опыт и знания, приобретенные мною во время этнографических экспедиций по владимирскому Верхневолжью, совершенных в 1985–1991 годах. Люди, у которых мне довелось учиться, были потомками офеней и называли себя масыгами или мазыками. Поскольку я много рассказывал о них в других книгах, здесь я ссылаюсь на них без дополнительных объяснений.

Часть первая. Самое общее понятие о внимании

Предчувствую, что внимание очень важно в том деле, которым я хочу заниматься. Можно сказать, что я это знаю. Но я не знаю, что такое внимание. И мне непонятно, как я вообще понимаю, что то, что я считаю вниманием, действительно внимание! Как мне удастся определиться с тем, о чем идет речь?

У меня, определенно, есть понятие о внимании. Мой жизненный опыт как-то соотнес слово «внимание» с тем, что происходило во мне, и я понял, что «внимание» – это имя для определенных ощущений и действий. Но это значит, что я понял, что и народ считает вниманием именно эти действия и ощущения. И предполагаю, что у меня единое понятие внимания с моим народом. Иначе говоря, я считаю вниманием то, что им считает русский язык.

Любопытно, совпадет ли то, что считает вниманием русский язык, с мнением наших языковедов? Поэтому я начну со словарей русского языка.

Предполагаю, что глубина их понимания внимания недостаточна. Поэтому мне с неизбежностью придется обратиться за более глубоким понятием к тем наукам, которые занимались вниманием. Любопытно, кто, кроме психологов, мог им заниматься?

Глава 1. Что такое внимание?

При первом взгляде на это слово кажется, что оно чрезвычайно просто и понятно. Поэтому определения наших толковых словарей предельно кратки и не дают повода для сомнений. Так, Ожегов в первых изданиях своего словаря определяет внимание всего в нескольких словах:

«Внимание – сосредоточенность восприятия, мысли на чем-нибудь» (Ожегов, 1952).

Внимание как внимательность, то есть заботливое отношение, я не рассматриваю.

В издании 2006 года (в соавторстве со Шведовой), определение несколько меняется:

«Внимание. Сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь».

Вероятно, составителям словаря показалось, что так определение станет еще проще, но мое понятие о внимании подозревает в этом случае безграмотность: внимание, безусловно, управляет и зрением и слухом, но никак не есть их качество. Более того, я как-то даже не представляю себе, как можно сосредоточивать слух или зрение!

Как ни странно, но словарь под редакцией Евгеньевой повторяет эту бессмыслицу, если только не является ее источником:

«Внимание. Сосредоточение мысли или зрения, слуха на каком-либо объекте, направленность мысли на что-либо».

Как ни странно, но и первая часть определения – сосредоточение мысли, вызывает большие сомнения. И не в том смысле, что внимание – это вовсе не действия с мыслями. Это возражение по существу. А я пока возражаю с точки зрения языковой грамотности: как-то я не уверен в том, что русский язык знает о возможности «сосредоточивать мысль» на чем-то. В русском языке описаны возможности прислушиваться, приглядываться и думать о чем-то. Даже сосредоточенно думать!

Но является ли способность думать сосредоточенно способностью сосредоточивать мысли? Или же сосредоточенность тут описывает некое мое состояние при думании, а не состояние моих мыслей?

При всей поверхностности этих определений они все же воспринимаются как лингвистические. А вот определение Ушакова, сделанное в 1935 году, явно заимствованно у науки, и у науки модной:

«Внимание. Психический процесс, при котором из нескольких одновременных впечатлений некоторые воспринимаются особенно ясно».

Безусловно, Ушаков понятия не имеет о том, что такое «психические процессы». Это понятие в его время только входит в бытовое употребление и само по себе является понятийной свалкой, в которой нет ничего, что одинаково понималось бы всеми психологами. Никто толком не понимает, что такое процессы; никто не доказал, что они относятся к психике; никто не в состоянии однозначно объяснить, что такое психика и существует ли она вообще!

Тем не менее это правящая научная парадигма, иначе – мнение правящего научного сообщества. И Ушаков предпочитает правящее психологическое мнение мнению лингвиста.

Впрочем, предшествовавшие ему лингвистические определения либо вообще невозможны, как определение Чудинова, либо они уже в то время ощущались поверхностными, как определение Стояна, сделанное в 1913 году:

«Внимание. Сосредоточивание мысли на предмете».

Определение Ушакова лингвисты не приняли и, как видите, предпочли вернуться на круги своя, перепевая определение Стояна, которое далеко не является определением внимания, если вообще к вниманию относится...

Это вовсе не случайность. В действительности, и этимологические словари не любили слово «внимание». Его нет в словарях таких добросовестных исследователей, как Преображенский, Фасмер, Черных, и многих других современных авторов.

Словарь Крылова уделил вниманию всего три строки:

«Внимание. Это заимствованное из старославянского слово образовано от *вънимати* – „слушать“, произведенного с помощью приставки *вън* („в“) и глагола *имати* – „брать“».

Это почти дословный повтор определения словаря Шанского, Иванова, Шанской, вышедшего в 1961 году:

«Внимание. Заимствование из старославянского языка. Образовано с помощью суф. – ние от *вънимати* – „слушать“, производного посредством приставки *вън-* „в“ от *имати* – „брать“».

И даже в третьем томе многотомного «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Шанского, вышедшем в 1968 году, внимание почти не заслуживает внимания языковедов, хотя при этом Шанский полностью меняет свое мнение:

«Внимание. Вероятно, собственно русское. Встречается уже в памятниках XI века. Образовано с помощью суф. – ние от *внимати*».

Далее словарь делает предположение, что из греческого было заимствовано само исходное слово «внимать», поскольку является калькой соответствующего греческого слова. Все эти поиски исходных корней в чужих языках хороши, пока есть некая вещь, с которой они и были заимствованы. Вроде трамвая или миксера. Но когда речь заходит о человеке, его способностях, свойствах и качествах, усилия языковедов становятся натужными.

Если внимание существует как данность моего внутреннего мира, я вполне мог обойтись без греков, чтобы заметить его.

Единственный этимолог, отводящий вниманию более или менее обширную статью, – Галина Павловна Цыганенко. Именно она в 1970 году заложила традицию связывать внимание с мыслью. Впрочем, в ее высказывании это звучит вполне приемлемо:

«Внимание – „направленность мысли на что-либо“, „забота“, „благосклонность“. В древнерусском языке образовано с помощью суффикса отвлеченных имен – *иј-*е от причастия *въниманъ* глагола *вънимати* „слушать с участием“ который образован от *имати* „брать“ посредством приставки *вън-* с пространственным значением „направление движения во внутрь чего-либо“...

Таким образом, внимание по этимологии как бы „вбирание в себя“, „захватывание внутрь“ > „слушание с интересом“ > „интерес, вызываемый кем- или чем-либо“ > „участие, расположение к чем- или кому-либо“».

Итак, если верить языковедам, исходно *внимать* – это слушать с участием или интересом. Однако, если мы задумаемся, то и участие, и интерес в данном случае лишь слова, с помощью которых дается намек на то, что же такое внимание. И *внимать* тут вовсе не определено, потому что сделана тонкая подмена определения. *Внимать* – это не слушать с участием, а именно слушать со вниманием!

Внимание осталось бы вовсе не объяснено, если бы не последнее: внимание – это как бы «вбирание в себя», «захватывание внутрь».

Куда внутрь? Во что происходит вбирание?

Если на этот вопрос не будет дано ответа, не будет обретоно и понимание внимания. И я вовсе не уверен, что ответ на этот вопрос будет дан, хотя я вовсе не сомневаюсь, что он возможен.

Ответ этот, безусловно, существует, поскольку в вопросе явно виден намек на устройство человека. И если это устройство существует, однажды его удастся рассмотреть.

Однако, раз его так долго не могли рассмотреть, это вовсе не простая задача. Очевидно, для получения ответов такой сложности нужен другой уровень созерцательности, что предполагает и другой уровень психологической культуры, включая культуру самонаблюдения, почти полностью уничтоженную в нашей психологической науке...

Глава 2. Внимание в языке

Что очевидно, языковеды, по крайней мере на уровне толковых словарей, боятся давать определения таким простым понятиям, как внимание, и стремятся переложить ответственность на ученых. Вероятно, на психологов. Оно и правильно, поскольку предполагается, что наука должна идти в познании действительности глубже, чем уже успел народ.

Однако и недооценивать то, что отложилось как знания о нашем мире в русском языке, нельзя. Детская болезнь науки заставляла ее торопиться и быстро придумывать новые понятия, вместо того чтобы понять, что уже нашел народ. Поэтому я хочу еще раз вернуться к толковым словарям и воспользоваться тем, что в них собрано в качестве примеров высказываний о внимании.

Полноценное языковедческое понятие должно выводиться из этих примеров, а не браться готовым на стороне, пусть даже у самой передовой из наук. Поэтому я попытаюсь составить из приведенных языковых примеров описание внимания. В сущности, это будет описание явления. Именно описание позволяет разглядеть границы или пределы понятия, из чего и должно рождаться определение.

Должен отметить, «Словарь Академии Российской» в конце восемнадцатого столетия еще не имеет статьи посвященной вниманию, хотя в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)»¹ ему посвящено несколько примеров из старинных рукописей. Толкование этих примеров слишком сложно и без соответствующих знаний сомнительно, поэтому я их опущу и сразу перейду к Далю.

Даль выделяет для внимания довольно большую статью. Точнее, внимание скрыто внутри статьи «Внимать».

«Внимать, внять чему, внимаю и внемлю, арх. воймовать, сторожко слушать, прислушиваться, жадно поглощать слухом; усваивать себе слышанное или читанное; устремлять на это мысли и волю свою // слушаться, применять наставления к делу. – ся, стар. заниматься огнем, загораться.// – во что, твер. прм. Вступаться во что, браться за что, входить, мешаться в дело. Не внимайся в мое хозяйство».

В первую очередь, внимать – это слушать с усилием, прислушиваться. Как в пушкинском «Пророке»: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли...». Однако слушать сторожко, жадно, с усилием – это и есть со вниманием. Очевидно, что исторически понятие слуха было разработано в нашем языке раньше, чем понятие внимания, что вполне естественно. Ведь слух – одна из важнейших способностей, обеспечивающих выживание.

Очевидно и то, что заметить внимание на примере слуха было проще, чем на примере зрения. Зрение слишком важно и используется для определения непосредственной опасности. И тут уж речь о внимании не идет, внимание мгновенно становится произвольным, в силу чего и незаметным.

Слух, как часовой, используется тогда, когда непосредственной опасности, а значит, работы для зрения нет. Есть лишь подозрение, что опасность может возникнуть, появиться где-то за пределами обозримого и подкрасться. И ты заставляешь себя прислушиваться, для чего удерживаешь внимание на том, что слышишь.

Как пишет Даль: устремлять на это мысли и волю свою. Ты прикладываешь силу и заставляешь себя слушать, что в действительности означает, что ты именно удерживаешь внимание на слухе, не позволяя ему отвлечься на мысли. В итоге получается своеобразное йогическое упражнение, сродни дхаране или дхьяне, когда ты либо изгоняешь все лишние мысли из своего сознания, либо те, что есть, направляешь на то, к чему прислушиваешься. Попросту говоря, заставляешь себя думать только об этом.

Является ли такой пример управления мыслями примером управления вниманием? Боюсь, что нет. Мысли мыслями, а внимание вниманием. В мыслях его нет, оно за ними. Это лишь способ облегчить свою задачу, что-то вроде тех мнемонических приемов, с помощью которых запоминают сложные вещи. Они тоже, конечно, облегчают запоминание, но к памяти отношения не имеют.

А вот то, что Даль называет «волей», то есть некое усилие, явно может оказывать воздействие на внимание. И мы все знаем, что если подобного усилия не совершать, внимание рассеивается или убегает с пролетающими мыслями. Мысли захватывают его и уносят, и приходится «ловить себя» и усилием «возвращать» к тому, что ты избрал созерцать внешним или внутренним взором.

Причем я могу созерцать нечто внешнее, а мысли унесут внимание внутрь, и взор мой затуманится. Это значит, что вниманию безразлично, куда быть направленным, и для него нет различия между внешним и внутренним мирами. Как если бы оно было выше извечного спора о том, что первично, и вообще имело природу, выходящую за рамки осмысленного идеализмом и материализмом.

Из приведенных Далем примеров, я, пожалуй, опущу архангельское воймать, поскольку не понимаю его. И тверское-пермское вниматься как «входить в дело». Это слово хоть и звучит одинаково со внимать, все же являет собою иную ветвь словообразования, видимо, производную от имать, то есть «брать, браться».

А вот старинное вниматься заниматься огнем, загораться – чрезвычайно соблазнительно, хотя и совершенно непонятно. Очевидно, это тоже другая ветвь, дожившая до наших дней в выражении заниматься – заниматься пламенем, занималась, то есть разгоралась заря.

Скорее всего, в отношении внимания это выражение может использоваться лишь как метафора, этакое иносказание, указывающее на подвижность внимания. Оно тоже то тухнет, то вдруг вспыхивает, охватывая все естество человека и вынуждая его всецело отдаться одному делу. Очень похоже на отношение древнего человека к огню.

А вот усваивать себе слышанное или читанное, похоже, очень важно. Думается мне, что именно это и есть первый выход за пределы слуха в попытке понять внимание. Да, конечно, внимать можно и слушая, но в таком случае слушание надо разделить на две части, среди которых будет и само слушание!

Внимать – это не слушать, а слушать с неким усилием, которое и есть внимание, грубо говоря. И если все, что относится во внимать к собственно «слушать», отбросить, то останется это усилие. Но его мало, чтобы говорить о внимании. Должно быть нечто еще. Усваивать слышанное или читанное – это тоже совсем не ответ. Это такой же намек, подсказка, вроде перста, указующего на луну. Его еще надо понять.

Во-первых, в данном случае очевидно, что внимание относилось не только к услышанному. Когда в древности некто вещающий слова истины или мудрости требовал от учеников внимать: «Внемли словам моим!», казалось, что он требовал слушать. Но слух никогда не прекращается и не выключается, как не выключается работа ни одного из органов восприятия.

Значит, он требовал не просто слушать, а удерживать слух на его речи? То есть не отвлекаться на то, что звучит вокруг? Это очевидно, и очевидно мало. Механическое слушание может даже позволить запомнить сказанное целиком. Но позволит ли оно понять сказанное?

И вот из подсказки Даля рождается прозрение: внимание должно быть связано с пониманием. Поэтому оно может проявляться внутри слушания, но может и внутри чтения. И только при его наличии происходит усвоение, которое невозможно без понимания.

Вероятно, я могу выстроить такую последовательность: восприятие внешними органами – внимание – понимание – усвоение.

Возникает вопрос: если эта последовательность имеет отношение к действительности, что она описывает? Это последовательность чего?

Пока рождается лишь один очевидный вопрос: последовательность познания. Иными словами, внимание – одно из основных и важнейших орудий человеческой способности познавать.

Это определение выглядит очевидным, но это не значит, что оно верно. Его еще надо доказать. А я пока сомневаюсь, что работа внимания ограничивается познанием. Мне кажется, что оно шире и может больше. Впрочем, мои сомнения, может быть, лишь признак непродуманности.

В любом случае, необходимо продолжить описание внимания, которое и позволит проверить родившееся предположение.

Глава 3. Немного о познании и созерцании

Мне представляется, что самым главным орудием познания является видение или созерцание. Под видением понимается мною нечто превосходящее зрение. Условно говоря, это зрение не телесное, а то самое, которое мы производим «внутренним оком». Вероятно, это видение души или чего-то за ней. Чтобы говорить о таких вещах определенно, необходимо проделать исследование человеческой способности познавать.

Я такого исследования не проделал и пока ограничиваюсь некими самыми общими штрихами, позволяющими наложить некие рамки или пределы на тот материал, который избрал своим предметом. Это рамки, определяющие мой предмет, – в данном случае, внимание, вширь.

Конечно, это весьма условное «вширь». Оно всего лишь позволяет мне хоть как-то собраться, отсекает лишние метания и удерживает даже не столько в рамках предмета, сколько в рамках того орудия, с помощью которого я собрался этот предмет исследовать. Условно говоря, я хочу внимание «рассмотреть», что бы это ни значило. И буду стараться его созерцать.

Тут уместно вспомнить, что теория, ставшая основным признаком науки, переводится с греческого именно как созерцание. Иными словами, чтобы родилась теория в научном смысле слова, необходимо, чтобы случилось подлинное созерцание, которое и будет впоследствии записано в виде некоего трактата, описывающего изучаемый предмет.

Иначе говоря, теория в науке – это запись видения или описание предмета, созданное благодаря его созерцанию.

При этом исходно предполагается, что действительно научная теория рождается не тогда, когда профессионал от науки пишет большую и обязательно скучную, поскольку непонятную, книгу. Теория должна прибавлять некое качество, и если вдуматься, то это качество познания. А точнее, это увеличение количества знания, которым обладает человечество.

Следовательно, действительная теория – это описание того нового, что открылось при созерцании. А значит, созерцание – не просто рассматривание предмета с помощью внутреннего взора. И внутренний взор может быть таким же тупым, как у барана при виде новых ворот. Это значит, что действительным созерцанием, то есть тем видением, которое рождает теорию, мы можем называть только такое созерцание, которое прибавляет знание.

Но где его взять?

Только из действительности. Иначе говоря, из того, что разглядываешь. Оно там, конечно, не хранится. Знание создается мною, а не предметом изучения. Но сам предмет можно рассматривать с обычных сторон, то есть со сторон, которые уже изучены и познаны. И тогда новое знание просто не может родиться, хоть все глаза прогляди. Это очевидность.

Неочевидно, почему такое разглядывание предмета нельзя считать созерцанием? Впрочем, считать или называть его созерцанием, наверное, можно. Кто же запретит?! Вопрос в том, чем оно отличается от того созерцания, которое приносит знания и становится теорией?

Очевидно, тем, что, глядя на уже известное, познанное, ты не разглядываешь действительность, а узнаешь ее! Иными словами, ты произвольно достаешь из сознания знания, которые хранятся в виде образов, и сквозь эти образы и рассматриваешь свой предмет. И если это произошло, то, что бы ты ни сказал, оно произвольно вторично, потому что включает в себя уже известные образы.

Рождается еще одно описание того же самого, возможно, высказанное иными словами. Но знание от этого не прибывает, а твое сочинение становится еще одним слоем культурных помех на пути к истине.

Похоже, новое открывается не тогда, когда мы применяем привычное разглядывание предмета любым взором, узнаваемое нами как его созерцание. А тогда, когда мы применяем

это разглядывание к неведомым, не узнаваемым его сторонам. Иначе говоря, чтобы случилось созерцание, надо владеть как способностью разглядывать вещи, так и чутьем на неведомое.

Уже одна способность разглядывать может оказаться загадкой, поскольку мы привыкли глядеть глазами и считаем, что ими и разглядываем. Очевидно, это ошибка понимания, вызванная недостатком культуры самоосознания. И мне кажется, что она из разряда тех, против которых когда-то выступал епископ Беркли.

Заявив, что нет мира «снаружи», что есть только мир «внутри» – в сущности, мир образов, который мы и рассматриваем, Беркли вовсе не отказывал миру в действительном существовании помимо человека. Он был не дурак, да и верующий человек, что значит, что для него снаружи было достаточно всего, включая Бога. Беркли лишь говорил, насколько это позволял ему его язык, о том, что мы не видим настоящего мира, а видим мы те образы этого мира, что живут в нашем сознании.

И означает это для меня то, что видение, происходящее за глазами и без глаз, гораздо важнее физического зрения. В том смысле важнее, что оно чаще всего занимает гораздо больший объем, чем восприятие всеми телесными органами чувств. Мы как бы глухи, слепы и немые, поскольку предпочитаем глядеть не на внешний мир, а в мир своих переживаний. И это испытывал каждый, когда, к примеру, гуляя по улице, вдруг обнаруживал, что в задумчивости не заметил, как оказался в совсем другой части города.

Мы все изрядно аутичны и умеем отключать те органы восприятия, которые непосредственно не нужны. Что называется, «тихо сам с собою я веду беседу», не замечая происходящего вокруг. Это, конечно, психологическое упрощение того, что хотел сказать Беркли, но зато это знакомо каждому.

Однако и это не все. Иногда нечто снаружи привлекает наше внимание и заставляет себя разглядывать. И мы определенно можем свидетельствовать про себя, что глядели не внутрь неких своих переживаний, а разглядывали нечто с помощью глаз. Но вот вопрос: с помощью глаз или глазами мы это разглядывали?

Иными словами, чувствуем ли мы при таком разглядывании, что внутренний взор никуда не исчезает, если глаза глядят, что он смотрит прямо сквозь тот поток восприятия, которым глаза снабжают сознание?

Иными словами, есть телесное зрение или его нет, внутренний взор сохраняется всегда. Он-то и может созерцать. А может и не созерцать.

Чтобы созерцать, как уже было сказано ранее, он, как и телесные глаза, однажды должен вырваться из плена переживаний и поглядеть не сквозь образы имеющихся знаний, а свободно, чисто. Чисто здесь означает без малейших примесей того, что уже имеется в памяти.

Вот если такое видение случается, тогда появляется возможность создать совершенно новый образ, который станет после этого твоим личным знанием. А если его перевести в запись, то может оказаться, что и все человечество посчитает его тем, что надо знать.

Может и не посчитать. К примеру, просто не рассмотрит сквозь твою запись. Или не разглядит ценность увиденного.

Следовательно, чтобы научиться созерцать, необходимо развить чувство новизны, то есть научиться видеть, что нечто, что сейчас тебе открылось, совершенно ново и не имеет образов в твоём сознании.

Новизна пугает. Людям свойственно от нее закрываться. Потому мы и накапливаем облака образов, которые, как нам кажется, объясняют устройство мира, в котором мы живем. Страх перед новизной – это проявление большого страха жить. А накопление знаний о мире – воплощение задачи выжить.

Выживание очень важно для человека. Особенно для человека, лишённого бессмертия, поскольку у него отобрали душу. Однако естественное развитие человеческого существа показывает, что выживание действительно важно лишь до того срока, пока ты не почувствовал, что

тело твое развилось достаточно, чтобы ты мог решать главные задачи своей жизни. В сущности, главные задачи того, что называется воплощением у людей, которые еще имеют души.

И мы все помним те примеры из истории, когда люди свободно жертвуют телами, если перед ними встает вопрос чести. Или жертвуют здоровьем, если этого требует творчество. Это простое бытовое подтверждение того, что мы все прекрасно чувствуем свои главные задачи, которые никак не телесны. Эти задачи приносят с собой души, а тела ими рассматриваются лишь как орудия, необходимые для воплощения на Земле.

Поэтому в рамках прикладной психологии приходится признать, что выживание важно лишь условно и временно. Оно не покрывает всей жизни. Часть воплощения мы живем так, что могли бы пожертвовать телом ради главного. Но часто забываем об этом главном и потому влачим существование, в сущности, уже не сражаясь за выживание, но и не умирая, пока не израсходовали запас сил.

Если в такой период жизни главная задача вспомнится, человек сможет вершить чудеса. Но жизнь устроена так, что мы должны побеждать не только внешние сложности, но и внутреннее препятствие – нашу склонность терять осознание и присыпать с открытыми глазами. Это и есть то, о чем говорил Беркли, если упрощать.

Мы боимся жить и потому погружаем себя в облака образов, звавшихся у мазыков лопотью, которые держат нас в снопоподобных состояниях и не дают видеть действительность. И нас это устраивает.

Однако однажды приходит время, когда потребность вырваться из этой ловушки становится так сильна, что ты начинаешь чувствовать вкус таких состояний, в которых тебе удастся заметить непознанное. Даже если эти мгновения случаются нечасто, они становятся тем, ради чего ты живешь. И в них сладость, потому что они расширяют сознание.

Точнее, расширяют ту часть сознания, в которой ты свободен от лопоти и где есть ты, а не образы чужих знаний. Чтобы созерцание случалось, к таким состояниям надо развить вкус. И делать усилие, позволяющее вырваться за пределы того, что тебе уже ведомо.

Именно тогда приходит знание.

Но это личное знание. И перед тобой встает вопрос: оставить его лишь для себя или сохранить для всех? И если ты ученый, то, значит, однажды, в одной из неведомых и давно забытых жизней, ты принес торжественную клятву богу, который в Греции звался Аполлоном, а на Руси, кажется, Семарглом, что посвятишь свою жизнь охоте за знаниями ради лучшей жизни людей.

Лучшая жизнь – это вовсе не более сытая земная жизнь. Земная жизнь – это выживание. А лучшая начинается после нее, после того как выживание обеспечено. Тогда, когда решены все основные задачи, ты начинаешь жить по душе и ради души. Это и считалось лучшей жизнью.

Вот ради нее ты и клялся кому-то из богов однажды. Впрочем, это мог быть вовсе и не бог, а, к примеру, титан вроде Прометея или асура вроде Варуны...

Какая разница! Главное, что, если ты настоящий ученый, эта клятва живет в глубине твоей души. А душа твоя знает, кому ты приносил свою клятву и чего она стоит. Впрочем, чего она стоит, могу сказать и я.

Эта клятва стоит свободы! Ты не обретишь ее, пока не сделаешь то, что обещал. Русские сказки помнят такие клятвы, когда ты обещаешь служить какому-нибудь волшебнику долгие годы и служишь, как Геракл, пока не очистишь все авгиевы конюшни...

Как ни смешно, но то, что мы вышвыриваем наружу при этой чистке, – это те описания действительности, которые удалось добыть при созерцании.

Как ни обидно, но все, что выходит из-под моего пера, – это дерьмо...

Хотя бы потому, что оно уже превращено в знания, а значит, служит для того, чтобы замазывать чьи-то глаза и предоставлять им как можно больше возможностей для узнавания вместо созерцания.

Однако перст, указывающий на луну, тоже не луна. Но для имеющего вкус к неведомому он может послужить обрывом, с которого можно сорваться...

Глава 4. Описание

Чтобы созерцание исследователя стало научным знанием, оно должно быть записано. Но эта запись будет недостаточной, если предмет созерцания не будет описан достаточно полно, чтобы записью стало возможно пользоваться. Иными словами, одиночного созерцания может и не хватить, поскольку человечество, чтобы использовать то, что открылось одному из его представителей, должно познать данный предмет всесторонне.

Чтобы запись созерцаний стала полезной, она должна быть сделана как бы штрихами или мазками, каждый из которых и есть запись отдельного созерцания. Благодаря множеству созерцаний предмет может быть описан всесторонне. Вот тогда описание обретает ценность, делающую его знанием.

Где взять эти штрихи в отношении внимания? Очевидный ответ: из созерцаний. И совсем не очевидный встречный вопрос: из чьих? Если мы играем в науку, то все должно быть по правилам: хочешь выглядеть настоящим ученым, делай открытия! Если же вопрос в том, что мне действительно нужно знать, что такое внимание, и без этого я просто в беде, то причем тут то, как я буду выглядеть?! Мне все равно, будут ли меня считать настоящим ученым!

Поэтому я спокойно и без малейших комплексов воспользуюсь трудом предшественников. А предшественниками для меня являются не только мой брат ученый, но и все те люди, которые наблюдали за собой и сохраняли штрихи исследуемого мною явления. И в первую очередь, это поколения русских людей, чей опыт отложился в языке.

Если до этого я пользовался определениями лингвистов, то теперь я воспользуюсь теми примерами из русского языка, в которых сохранился народный опыт.

Итак, еще раз Даль:

«Внимание, вняtie, вoйм. Обрати внимание на это дело. Ты слушаешь без внимания все советы».

Весьма неожиданные слова, за полтора века вышедшие из употребления, – вняtie и вoйм. Пока еще живо обратное внятию – внятность: говори внятно. Но я бы никак не связал его со вниманием. И, похоже, напрасно. Очевидно, что для того чтобы говорить внятно, нужно направлять внимание на то, как произносишь слова. Внятность – это говорение со вниманием. А вняtie – внимательное слушание говорения.

Однако слушать советы без внимания – это совсем не то же, что слушать их без внятия. Вняtie, условно говоря, направлено именно на говорение. А в отношении советов речь идет не об этом. Ты можешь произносить свои советы внятно, можешь невнятно. Слушающий не обращает внимания не на то, что и как произнесено, а на само содержание совета.

И это тоже неверное определение. Он, может быть, очень внимательно слушал и очень внимательно разглядывал суть совета. Но именно по итогам внимательного рассмотрения и обдумывания принял осознанное решение не следовать совету. И так много раз.

Следовательно, в этом примере: Ты слушаешь без внимания все советы, – речь вовсе не идет о том внимании, которое я ищу. Как и в выражении «оставить советы без внимания». Речь идет о том, как внимание проявляется в жизни.

А проявляется оно в виде действий или изменения поведения. Если ты внимателен к тому, что пытается на тебя воздействовать, ты откликаешься телесно. И говорящий, точнее сетующий в данном примере, обижен, что ты его выслушал, но не откликнулся телесно, не изменил поведения.

Похоже, тут мы имеем второй уровень использования слова «внимание», на котором оно становится своеобразной метафорой, иносказанием. Люди заметили важнейшую черту внимания – оно ведет к мгновенным ответам на угрозы или воздействия – и сделали из нее способ

говорить о любых человеческих делах. Если ты не откликаешься на что-то, ты как бы не обращаешь на это Внимания.

Поэтому я ввожу знак, позволяющий различать внимание первое и Внимание второе. Расширение понятия «внимание» я пишу с большой буквы – Внимание. И понимаю под ним не собственно внимание, а иносказательные случаи использования этого имени.

И теперь, когда этот небольшой штрих введен, вполне можно разглядеть, что и в первом примере Даль говорит не о внимании, а о Внимании: «Обрати внимание на это дело».

Это очевидно, хоть случай и более тонкий. Стоит только задаться вопросом, а о каком деле идет речь? Самое очевидное, что перед кем-то вроде следователя или чиновника положили папку, называющуюся Дело такое-то, либо рассказали о каких-то делах устно, что для него почти то же самое, лишь не записано на бумагу.

И что тут важно для нашего «чиновника»? Точнее, для того, чтобы его понять? То, что у него таких дел несколько, так сказать, целый ряд. И они, условно говоря, лежат все перед его глазами рядом, так что ни одно не выделяется. И чтобы выделить то, которое нужно мне, я привлекаю внимание (в обычном смысле) к одному предмету из этого ряда одинаковых и в силу этого безликих предметов.

Как я могу привлечь внимание? Например, пошевелить этот предмет. Или ткнуть в него пальцем. А то и просто поставить на нем яркую галочку. Но это пока речь идет о внимании и о действительном ряде зрительно воспринимаемых одинаковых предметов.

Но в нашем случае никакого ряда нет. Даже если один чиновник принес другому стопку из «дел» и положил одно сверху, чтобы привлечь внимание, привлекает он все же Вниманием! Ему ведь совершенно не нужно, чтобы чиновник разглядывал папку, ему нужно, чтобы тот что-то сделал по сути изложенного в «деле».

Это значит, что он весьма условно привлекает внимание, хотя и это тоже происходит на какое-то мгновение, пока ты даешь себе труд запомнить, где лежит это «дело» или как оно называется. Но в следующий миг внимание выключается, зато включается разум, и ты начинаешь искать, как решить ту задачу, которая в этом «деле» скрыта.

И тут, что очевидно, снова пример того, что если использовать слово «внимание», то ожидается, что человек непосредственно откликнется на некое воздействие. То есть начнет действовать, как если бы рассмотрел некую опасность. Возможно, что чиновник и рассмотрел ее, когда услышал, что на дело надо обратить внимание. Но опасность эта вовсе не находилась в «деле», она вообще была недоступна вниманию, потому что скрывалась за весьма отдаленными последствиями его действий.

Тем не менее очевидно: каждый случай речевого использования Внимания, говорящий вовсе не о внимании, тем не менее описывает именно то, как людьми ожидается действительная работа внимания. Это первое.

Второе: понятие «внимание», которое ощущается так плохо изученным и понятным наукой, в действительности настолько давно исследуется народом и так привычно, что постоянно используется не только для прямого описания действительности, но и для творения вторичных смыслов. Такое обилие метафорических использований какого-то слова означает, что слово это очень, очень хорошо знакомо и понятно любому носителю русского языка!

Из этого следует третий вывод: народ не сомневается, что моего понятия о внимании будет достаточно для понимания сложных иносказаний с этим словом. Значит, мое понятие о внимании действительно хорошо!

Вот не ожидал!

Глава 5. Внимчивость

Вероятно, самым примечательным штрихом внимания в статье из словаря Даля является этот:

«Внимчивость, внимательность – свойство это, рвение или желание все услышать, узнать и усвоить себе; прилежание».

В отличие от предыдущих примеров, которые показывали Внимание, то есть некое иносказание, лишь опирающееся на понятие внимания, внимчивость определенно говорит именно о том внимании, которое хочу понять я. Это внимание как исходное мое свойство определенно требует некоего желания познать и усвоить, прилежания и даже рвения.

Лично я склонен говорить об этом как об усилии, с помощью которого мы можем направлять внимание и удерживать его. В сущности, усилие управления вниманием. Но рвение и прилежание, вырастающие из желания, хорошо поясняют это усилие.

Поищу примеры в более поздних словарях.

Ушаков приводит примеры, сопоставляющие внимание с вниканием:

«Интерес, заботливое отношение, стремление вникнуть. Сосредоточить внимание на чем-нибудь. С должным вниманием. Без внимания. Достойный внимания. Привлекать внимание».

Напомню, что для многих языковедов внимание было «сосредоточением мысли». Ушаков же говорит о «сосредоточении внимания», и мне это кажется гораздо более точным. Что такое сосредоточение? Мы привыкли понимать это выражение слишком широко, в духе победных реляций с театра войны – как сосредоточение сил на определенном участке фронта.

В действительности, сосредоточение – это сведение в точку, фокусировка. Сосредоточить мысли можно лишь как войска – толпу, которая плотно сжалась возле чего-то. Сосредоточить внимание можно примерно как луч солнца с помощью увеличительного стекла, когда выжигаешь им по дереву. Это совсем разные образы и действия. И, надо добавить, совсем разное понимание внимания.

Да и вникать тоже существенно помогает понять внимание, хотя это лишь способ, каким внимание используется для обретения знаний. У того же Ушакова:

«Вникать. Внимательно разбираясь в чем-нибудь стараться понять, добиться понимания».

Стараться понять – значит раз за разом направлять убегающее внимание на то, что стало предметом твоего изучения. Действительное внимание – как пугливая дичь. Его надо преследовать неустанно, заставляя себя не прекращать охоту.

Тем не менее, из числа приведенных Ушаковым примеров: «С должным вниманием. Без внимания. Достойный внимания. Привлекать внимание» – лишь последний относится к вниканию. Все предыдущие – это Внимание, то есть использование понятия «внимание» для разговора о чем-то другом.

Так, «с должным вниманием» – это предупреждение или требование при работе с чем-то или кем-то не пропустить чего-то важного или быть осторожным, потому что дело это опасное, а человек имеет связи. От него нельзя отмахнуться как от простого посетителя: будут последствия.

Следовательно, речь идет не о внимании, а о том, чтобы сделать то, что требуется, в полном объеме, а не кое-как. Это еще один пример того, что внимание, если его возбудить, мгновенно заставляет человека действовать, что, очевидно, обеспечивает нам выживание.

«Достойный внимания» – отнюдь не привлекающий внимание, а требующий определенного отношения или действий. В сущности, речь идет не о рядовом человеке, а выдающемся в каком-то отношении. Как вещь в ряду других вещей, привлекающая внимания. Но Внимание

к этому человеку или произведению отнюдь не естественное, а, как говорят психологи, произвольное. Как удержание мысли, а точнее разума, на этом предмете. Его надо не рассмотреть, а понять и запомнить.

Да и «без внимания» – бытовое выражение, вырванное из своих связей. В полном виде оно, скорее всего, звучит как «отнесся без должного внимания». Или: «читал, смотрел, слушал без должного внимания». Это значит, что сам по себе этот предмет или человек не привлекал внимания произвольно. Но надо было сделать усилие и заставить себя следить за тем, что происходит, чтобы не пропустить что-то существенное, о чем впоследствии спросят.

Действительное внимание при этом было, но где-то блуждало, и это прямо свидетельствует о том, что речь тут идет совсем не о внимании, а о некой установке на поиск существенного или важного. И происходит этот поиск не прямо, не в миг восприятия, а с небольшим запозданием, когда ты просматриваешь те образы, которые у тебя отложились.

Иными словами, ты сидишь и рассеянно смотришь на что-то или слушаешь кого-то. Но поскольку у тебя есть задача впоследствии как-то показать, что ты не пропустил главного, ты вполуха или вполглаза воспринимаешь то, что перед тобой происходит. Воспринимаешь ты так, чтобы не загружать свое сознание тем, что тебе неинтересно. Но при этом просматриваешь то, что откладывается, через какие-то промежутки времени. И если тебе покажется, что прозвучало нечто важное, ты пересматриваешь.

И уж тут ты слушаешь со вниманием. А потом снова переходишь к Вниманию и дождаешься, когда это все закончится либо снова мелькнет искорка важного.

Вероятно, при этом где-то в глубинах твоего сознания внимание все же работает и позволяет тебе просматривать то, что было выложено в виде образов. Совершенно очевидно, что такой способ восприятия скучных или не нужных нам вещей гораздо экономичней, как говорится. Но в нем есть опасность упустить что-то, что было важно, и за это тебя попрекнут, что ты отнесся к делу без должного внимания.

Впрочем, точно так же тебя попрекнут, если ты не выполнишь просьбу кого-то, кто имеет значение. И тебе тоже скажут, что ты отнесся к просьбе важного человека без внимания. А на деле ты просто не проявил необходимого старания или рвения угодить и услужить.

Как бы там ни было, но внимание – не простое явление в моем устройстве. Понятие о нем состоит из множества культурных и исторических слоев. И без очищения все попытки пробиться к вниманию будут обречены, что, я думаю, и случалось со многими исследователями.

Тем не менее я уже наработал себе способность видеть Внимание, то есть то, что использует это имя, но в действительности является не вниманием, а некими действиями, исполняемыми так, как должно бы работать внимание. Поэтому я могу себе позволить в соответствии с КИ-психологическим подходом к исследованию отбрасывать в дальнейшем все подобные примеры.

Сам же я хотел бы пройти в следующий слой понятия о внимании, где хранятся образы, соответствующие слову внимчивость. Однако, подозреваю, что слои культуры, использующей понятие о внимании, еще далеко не исчерпаны. И я определенно вижу еще один.

Глава 6. Продолжая описание

Продолжая описание внимания, а точнее, пробиваясь к действительному описанию сквозь множественные слои русского понятия «внимание», я хочу разобрать еще один пример из словаря Ушакова, приведенный в статье «Внимательный»:

«Внимательный...Выражающий внимание. Внимательное лицо».

Имеет ли лицо, выражающее внимание, отношение к вниманию? Безусловно, какое-то отношение оно имеет. Это очевидно. Но имеет ли оно отношение к действительному вниманию?

Тут мы налетаем на одно из основных полей всей физиологической психологии в широком смысле этого понятия. Не только собственно физиологическая психология, но и вся научная психология, исходившая из того, что души нет, а есть различные телесные явления, начинала изучать внимание с его телесных выражений. Доходило до абсурда: немалое число психофизиологов считали, что именно в этих телесных выражениях внимательности и скрывается все внимание.

Иными словами, есть мнение, что если соответствующие изменения в теле вроде поворотов головы, шевеления ушами, внимательного лица, то это и есть внимание. Однако пойдем пока от русского языка. А он однозначно считает, если есть выражение чего-то, то должно быть и то, что выражает себя с помощью телесных признаков.

При этом столь же однозначно: если есть телесные признаки, иначе, выражение внимания, то где-то за ними есть и внимание. За исключением случая, описанного словами «внимательное лицо». Как раз в этом случае человек может и обмануть.

Что, однако, вполне передает суть: мы настолько хорошо знаем внимание, что даже умеем его подделывать и при этом твердо уверены, что другой однозначно распознает по тем искусственным признакам, что мы сумеем изобразить, именно внимание.

Итак, получается, что в первом слое русского языкового понятия о внимании мы имеем дело вовсе не с вниманием, а с действиями, исполняемыми по образу действий, вызываемых вниманием. Это не случайное подражание: очевидно, что внимание обладает силой, чтобы управлять нашими действиями мгновенно и неотложно.

Во втором слое, под тем же именем внимания появляются способы подмены внимания на внешнее изображение. При этом можно говорить, что такие способы оцениваются людьми как весьма полезное искусство, и достигают в нем изрядного совершенства. В следующих строках Ушаков как раз приводит пример такой искусности в изображении внимания, именуемой любезностью:

«Проявляющий внимание к кому-нибудь, любезный. Хозяин был внимателен ко всем».

Хозяин, вероятно хозяин гостиницы, хозяин ресторана, или хозяин дома, принимающий гостей, не был внимателен. В этом не было действительной необходимости, поскольку гости вели себя прилично и не представляли опасности. Но если рассматривать это как пример дела, в котором хозяин зарабатывает на своих посетителях, то высказывание, описывающее поведение хозяина, остается прежним, но суть выступает ярче.

Хозяин не был внимателен, но он старался сделать то, что хотели от него гости. Для этого собственно внимание не очень-то и требовалось. Для этого требовалось подумать, а потом стараться. И требовалось изображать внимание.

Так и половой, стоя перед столиком с посетителями, которые заказывают еду, должен изображать внимательность, хотя при этом лишь ждет, когда прозвучат названия и количества, чтобы пометить их в книжке заказов. Никакое действительное внимание в этом случае не требуется, но требуется сделать так, чтобы посетители были довольны и хорошо платили. А потом приходили еще, потому что им нравится обслуживание.

Значит, обслуживание с изображением внимания – это немалая ценность! И ценятся те люди, которые умеют сделать внимательное лицо. Кстати, и студенты непроизвольно учатся этому искусству, когда им хочется спать на лекциях. Где там витают твои мысли, не важно, но лицо должно быть внимательным! Мы все знаем, что уметь изобразить внимание иногда просто необходимо, как если бы от этого зависело наше выживание. И, вероятно, это так!

Вполне очевидно, что внимание – вещь ценная и потому может быть товаром. А раз есть мастера в изображении внимания, значит, рынок этот весьма развит и в нем требуется мастерство.

Что означает, что и покупатели здесь изощренные и легко распознают подделки. Поэтому, очевидно, утонченность в изображении внимания подчас доходит почти до проявления действительного внимания. И как разделить, где тут внимание, а где слой лжи, вопрос не для начинающего исследователя. Но очевидно, что я этим владею, раз мне и самому постоянно утонченно изображают внимание.

Следовательно, вопрос этот решается, с одной стороны, искусством самонаблюдения, а с другой – очищением. В определенной глубине своего сознания я точно владею способностью различать подлинное внимание от его изображения. И там же я умею сам очень тонко изобразить внимание, удерживая эту маску на своем лице, в то время как действительное мое внимание быстро перебирает те мысли, которые для меня действительно важны.

Но чтобы описать это состояние, мне нужно очистить свое сознание еще от множества помех, которые не пускают меня в созерцание и отвлекают на все, что мелькает перед моим внутренним взором.

А мелькают, собственно говоря, множественные значения все того же простого слова «внимание». Я, конечно, не имею сейчас в виду то, что может меня отвлекать за пределами поставленной перед собой задачи, понять внимание. Конечно, и звонок в дверь, и свист чайника на плите, меня отвлекут. Но отвлекут, целиком выдержав из задачи.

Однако я откликнусь на это отвлечение, удерживая задачу целиком и неприкосновенной. А как только освобожусь, то снова окунусь в нее как в особый сосуд, и там все будет по-прежнему чисто до того пространства, до которого я уже прошел, убирая помехи. Но вот дальше мое видение будет застит понятийная муть, до которой я еще не добрался. И, соответственно, если я попытаюсь перескочить через не проясненные понятия, они прицепятся к моим рассуждениям и внесут в них искажения.

Поэтому чтобы рассуждение оставалось чистым, придется пройти все языковые примеры из словарей русского языка и исчерпать то описание внимания, которое сделано русским народом. Вот после этого наступит время науки и всех доступных мне упражнений и экспериментов, позволяющих пройти глубже.

Глава 7. Забота со вниманием

Да, мы все большие мастера, как изображать внимание, делая внимательные лица. Однако если это воспринимается как вполне сносный товар, значит, он соответствует нашим ожиданиям. Но не ожиданиям же обмана! Мы все ждем, что к нам отнесутся со вниманием и, получив соответствующее обслуживание, считаем, что получили внимание.

Что же мы в действительности получили?

Впрочем, вопрос неверный. Даже не важно, что мы получаем, когда вместо внимания нам продают изображение внимания. Важно лишь одно: можно ли сквозь это пробиться к действительному вниманию? Если верить тому, что мы все в этом не сомневаемся, когда принимаем подмену, мы все верим, что внимание тут где-то есть.

Но что мы ищем в данном случае – внимание или заботу?

Очевидно, что заботу, но почему-то предпочитаем называть ее вниманием. Почему?

Как определяет заботу Ожегов (1961), это «мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-нибудь».

Прав ли он, я даже не берусь разбираться, хотя исходно подозреваю, что это опять очень поверхностное определение. Более того, я подозреваю, что под мыслями и соответственно, деятельностью, лежат не просто образы, но некий источник образов, который их порождает. И источник этот лежит столь глубоко, что языковеды его просто не видят, а психологи избегают видеть, поскольку он, думается мне, в душе.

И сама эта забота без души понятия быть не может.

Но в быту и в отношении заботы возможны подделки. Простой набор правильных, ожидаемых человеком действий может расцениваться им как забота, независимо от того, что тобой двигало. А двигать могла и корысть. И тогда твои действия не действительная забота, а имитация заботы в целях обогащения, например.

Но и это не важно. Важно сейчас лишь то, что же объединяет эти два понятия под общим именем внимания.

Почему люди ценят внимание, ожидая, в действительности, заботы, в общем, очевидно. Забота действительно улучшает нашу жизнь. Внимание же – настолько внутренняя способность человека, что улучшать может лишь жизнь своего хозяина. Что, однако, не отменяет возможности направлять внимание на что угодно, в том числе и на другого человека. Но внимание никак не может заменить заботу. Как подменилось имя?

Очевидно, внимание – одна из важнейших черт заботы. Причем настолько яркая, что и стала восприниматься как основной признак. А что, собственно, входит в заботу?

Если верить определению – мысли определенной направленности и дела. Но очевидно, что и внимание. Три части, и внимание – самая яркая.

Действительно, мысль увидеть нельзя. Действия видны, но оценить их мы можем только задним числом, по итогам. А вот внешние выражения внимания видны непосредственно в тот миг, когда забота больше всего требуется. Например, когда у тебя боли.

Как и когда проявляется действительное внимание? В первую очередь, когда в окружающем нас мире происходят изменения, которые важны для выживания. Нечто шевельнулось, и мы тут же смотрим туда, подозревая опасность. Нечто привлекло наш взгляд цветом или видом, и мы принимаемся его изучать, не съедобное ли это...

Старые русские мазыки, у которых мне довелось учиться, говорили, что разум как орудие выживания рождается из трех первых струй. Сталкиваясь с неведомым, он всегда обязательно задается тремя вопросами: опасно – не опасно? съедобно – не съедобно? полезно – не полезно?

Именно эти вопросы и управляют вниманием, направляя его на появившиеся в поле восприятия предмет, существо или явление природы. И удерживают его на них до тех пор, пока не будет получен ответ.

После этого мы можем заниматься этой вещью, хоть поедать ее, но наше внимание уже гуляет вместе с разумом по другим полям, перебирая множество вещей, которые имеются в сознании или окружающем мире. В сущности, путешествует по этому хранилищу не само внимание, а разум, который постоянно упорядочивает окружающий его мир. Что, естественно, сказывается на легкости выживания и качестве жизни.

Каким образом это устройство разума может проявляться в заботе? Ведь то, что другой человек нас не съест и даже не ударит, становится очевидным с первых мгновений. Особенно если он действительно нуждается в заботе.

Впрочем, это не так уж однозначно. Кто-то может и ударить. Кто-то накричать. А кто-то ухудшить мою жизнь иным способом, например понизив в должности или лишив чаевых.

Это значит, что даже при общении с простым посетителем, человек постоянно может ожидать некой опасности. И пусть он вряд ли рассчитывает съесть кусочек другого человека, хотя при заботе о больном может перепасть и кусок еды. Но гораздо вероятней, что при общении с другим человеком ты все время готов к появлению возможности извлечь какую-то пользу. Хоть те же чаевые...

Все эти ожидания, безусловно, заставляют внимание постоянно возвращаться к человеку, вспыхивая и мерцая, как некое свечение. Однако именно это свечение внимания не имеет никакого отношения к тому, что ожидается от меня другим! Вот ведь фокус!

Когда другой знает, что его обслужили со вниманием, он ожидает заботы, а не внимательного прощупывания на предмет извлечения из него пользы. И второй, изображая внимание, показывает не то, что он внимательно изучает, опасаясь и рассчитывая поживиться, а то, что он заботится. Если какое-то внимание в этих случаях и становится товаром, то отнюдь не настоящее!

Но при этом очень хочется, чтобы настоящим было именно то, которое мы изображаем, делая «внимательное лицо», а это именно то внимание, которое должно быть при заботе. Следовательно, мы знаем, каким оно должно быть.

Ожегов (в 1952 году) дает такое определение:

«Внимательный. 1. проникнутый вниманием, сосредоточенный. Внимательный читатель. Внимательный взгляд. 2. Проявляющий внимание, чуткий. Внимательный уход за больными».

Человек, заботящийся о другом, должен быть чутким, то есть должен откликаться на малейшие изменения в его состоянии. Этого просто нельзя сделать без внимания. Выражение «внимательный уход за больными» в действительности неверное и даже почти невозможное в русском языке. Это искусственная конструкция; языковед придумал ее ради примера. На самом деле должен был быть «заботливый уход за больными».

Но вот что определенно должно было быть у того, кто ухаживает за больными, если он действительно делает то, что нам всем желательно, это забота и внимательный взгляд. Не внимательное лицо, ни в коем случае не внимательное лицо! Но внимательный взгляд!

Почему, я думаю, очевидно: лицо воспринимать не может. Оно не орган восприятия. Оно орган изображения, оно – личина, надетая на душу. Зато взгляд – это даже не глаз. Это не просто орган восприятия, а само восприятие, узко направленное на предмет, приковывающий внимание.

Если у человека внимательный взгляд, мы знаем: он действительно видит нас! Он может после этого ничего не сделать, но может и сделать, потому что он видел. Тот же, который не видел, уже точно не сделает.

Наличие внимания делает заботу возможной. Оно не увеличивает вероятность или количество заботы. Оно делает ее возможной. Если внимания нет, заботы тоже нет. Есть испол-

нение обязанностей. Но эти обязанности делаются без души. И значит, весьма сомнительны. Может быть, проще и дешевле было бы нанять совсем чужого человека, который был бы внимателен не ко мне, а к той пользе, которую можно из меня извлечь, и потому старался бы...

Думается мне, что забота и подобные ей понятия составляют еще один слой культурного содержания моего сознания, отделяющий меня от созерцания внимания в чистом виде. Я пока даже не знаю, есть ли еще что-то, подобное заботе, что могло бы скрывать от меня внимание. Но если оно встретится, теперь я его узнаю.

Глава 8. Сосредоточение мыслей

Ожегов многократно переиздавал свой «Словарь русского языка», постепенно меняя определения и расширяя набор примеров. Поэтому приведу его определение из четвертого издания (1961).

«Внимание. 1. Сосредоточение мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь. Обратит внимание на что-нибудь. Отнестись со вниманием. Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Определение, которое он приводит, не так уж редко встречается в том или ином звучании и у психологов. Иногда, как у Челпанова в «Учебнике психологии для гимназий и самообразования», мыслимое появлялось лишь как пояснение: «...под вниманием следует понимать ту способность, благодаря которой мы из ряда впечатлений, действующих на наше сознание, некоторые мыслим ясно и отчетливо» (Челпанов. С. 83).

У советских психологов (например, Петровского и Фортунатова в 1956 году) сосредоточение мысли оказывалось сосредоточенностью психической деятельности без особых объяснений:

«Внимание – это сосредоточенность психической деятельности и ее направленность на что-либо, имеющее то или иное значение для человека» (Фортунатов. С. 29).

Но коллеги-марксисты поясняли, что психическая деятельность определенно включает в себя мысли:

«Внимание – это такая организация психической деятельности, при которой определенные восприятия, представления, мысли или чувства сознаются отчетливее других, отходящих на второй план...» (Платонов. С. 101).

Независимо от того, насколько показательны случайно подобранные мною примеры, все же определение Ожегова расходилось по умам и являет собой явную научную традицию понимания внимания. И кто у кого заимствовал понимание – языковед у психологов или психологи у языковеда, мне не так уж важно. Гораздо важнее, соответствует ли оно действительности.

Не буду пока вдаваться в такие языковые мелочи, как сами словосочетания «сосредоточить зрение» и «сосредоточить слух». Возможны ли они с точки зрения русского языка? Или Ожегов лишь создал их, чтобы пояснить какое-то свое представление о том, что происходит при направлении внимания. Но все же добавлю к ним уточнение: направить внимание – это КАК БЫ сосредоточить зрение или слух.

С этим добавлением высказывание Ожегова теряет ту очаровательную самоуверенность, которая и творит облик ученого в общественном мнении. Но если очарование уходит, то появляется и возможность для сомнений, которая приносит подсказку: за якобы сосредоточением слуха и зрения скрывается какое-то действие, которое очень похоже на сосредоточение. И оно заслуживает исследования.

Но я пока остановлюсь на первой части определения: внимание – это сосредоточение мысли. Вот мысли, похоже, можно сосредоточивать. Просто потому, что их, в отличие от слуха или зрения, много и они всегда расползаются, как стадо овец. По крайней мере, так кажется на первый взгляд.

И вот вопрос: подтверждается ли такое определение языковыми примерами, которые привел языковед далее?

«Внимание. 1. Сосредоточение мыслей... на чем-нибудь. Обратит внимание на что-нибудь. Отнестись со вниманием. Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уде-

лить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Честно говоря, когда я гляжу на это сопоставление определения с примерами, на меня накатывает беспомощность: я вообще не могу понять, как оно следует из этих примеров. И мне хочется сдаться, и сказать себе: ну это все и есть сосредоточение мысли!

Думаю, что Ожегов сначала придумывал определение, извлекая его из собственного понятия о внимании, а затем просто набирал все подвернувшиеся примеры из русского языка. И вовсе не выводил определение из этих примеров, то есть из действительности.

При этом вовсе не обязательно, что он не прав. Ведь он прекрасно видит и распознает внимание в любых его проявлениях. Иначе говоря, у него, как и у меня, и у любого, читающего это, вполне рабочее понятие о внимании. И в нем, по крайней мере у Ожегова, имеется связь внимания и мысли, которую он передает словом «сосредоточение».

Вот когда я говорю, что между вниманием и мыслью есть связь, это ощущается бесспорным. И то, что связь эта КАК-ТО похожа на сосредоточение, тоже. Но то, что внимание и есть сосредоточение мысли, теперь выглядит очевидно неверным. Просто потому, что сосредоточение мыслей – это сосредоточение мыслей! А внимание – это внимание.

Но как они связаны?

Думаю, внимание необходимо для того, чтобы произошло сосредоточение мыслей. Можно ли это разглядеть в приведенных примерах?

Обратить внимание на что-нибудь.

Выражение явно двойственное, как большинство высказываний, связанных с вниманием. Без некоего окружения, так сказать, среды, в которой оно было употреблено, его однозначно не понять. Простейший случай, когда мы обращаем внимание на что-то, действительно связан с вниманием.

Если ты идешь по улице и там происходит нечто неожиданное – драка, авария, и ты весь внимание, то это не «обратить внимание». Тут ты не только обращал внимание, ты не мог не обращать его, тебя, можно сказать, и не было, было только внимание. Это не ты обращал внимание, это внимание обращало себя с твоей помощью.

Другое дело, когда после разговора с кем-то тебе задают вопрос: а ты обратил внимание, что твой собеседник, к примеру, умолчал о чем-то? Вот тут ты понимаешь, что пропустил нечто важное, и начинаешь чувствовать вкус того, что значит обращать внимание.

Обращать внимание – действие, для которого необходим деятель. Это отнюдь не произвольное внимание, которое свершается как бы само по себе, захватывая тебя настолько, что тебе не нужно себя утруждать. Чтобы обращать внимание, нужна определенная культура, к примеру культура общения. Или работы над текстом. А суть этой культуры в наличии понимания.

Ты должен понимать, что происходит, чтобы суметь разглядеть скрытые двигатели события, которое являет себя перед твоими глазами. Несколько примеров.

Если ты смотришь футбол, то ты можешь просто болеть за своих. И страшно переживать или столь же страшно радоваться. Но когда ты будешь делиться своим возмущением с понимающим человеком, он вполне может тебе сказать: «А ты обратил внимание, что у них один защитник все время пасся за спиной нашего нападающего? Вот тебе и объяснение, почему наш не забивал. А сделал это их новый тренер, который верно понял, как вывести нашего из игры...».

Точно так же понимающий человек во время предвыборной компании может подсказать: «Обрати внимание, они в который раз пускают по телевидению этот ролик в обеденный перерыв. В итоге у их конкурентов на предприятиях упала производительность и не на что финансировать выборы...».

Сколь бы ходульны ни были мои примеры, они показывают главное: мы вместе видим одно и то же, но воспринимаем его по-разному: один – как действительность, другой – как явление.

В явлении всегда два слоя: один – это то, что снаружи, другой – нечто внутри, что являет себя таким образом.

Оба созерцателя, безусловно, имели внимание направленным на происходящее перед глазами. И видели они абсолютно одно и то же. Однако один заметил больше, чем другой. Откуда он это взял? Он не мог разглядеть в том, что происходило перед глазами, больше, чем там происходило. Иначе говоря, там, куда они оба глядели, просто не было больше того, что восприняли их органы восприятия.

В данном случае я исхожу из допущения, что оба смотрели с одинаковым вниманием. При этом кажется, что если бы внимание одного было чуть сильнее, он бы разглядел больше деталей. Например, он мог бы спросить: «А ты обратил внимание, что сегодня у полузащитника не было обручального кольца на пальце?»

Однако, похоже, этот пример обманывает.

Лишь по видимости кажется, что один заметил отсутствие кольца потому, что смотрел с большим вниманием. Заметить кольцо – то же самое, что заметить задумку тренера или хитрость избирательной компании. Вопрос не в силе внимания, вопрос лишь в его направленности. Чем человек живет, в чем разбирается, что имеет для него значение, то и определяет, на что оно будет направлено. Условно говоря, количество и качество замеченного зависит здесь не столько от силы внимания, сколько от культуры.

И вот вопрос: внимание вообще может быть разной силы?

Или же оно всегда просто есть, а то, что один замечает больше, чем другой, зависит вовсе не от силы внимания?

Поясню: вот сидят перед телевизором двое и смотрят футбол. Муж вдруг говорит жене: «Обратила внимание – их новый тренер приставил к нашему нападающему защитника? Понятно, почему он не забивает!» И чувствует, что жена его ничего не понимает в футболе!

А через некоторое время вдруг спрашивает она: «О, а ты обратил внимание, что сегодня у нашего нападающего нет обручального кольца? Вот он почему не забивает!» И чувствует, что муж ничего не понимает в жизни!

Внимание обоих было одинаково сильно, чтобы замечать тонкие детали. Но каждый смотрел на них сквозь особый инструмент, который доступен только ему. В самом обобщенном виде его можно назвать культурой. Но можно и смыслом жизни, что будет оправданным уточнением.

Исходя из смысла своей жизни мы выстраиваем свои целеустрояния, определяем жизненные ценности, развиваем способности, накапливаем знания. Именно это сочетание целей, ценностей, умений, знаний и способностей и превращается в те инструменты, которые позволяют одному видеть закулисные махинации политиков, а другим – тайные знаки, которые один гость подает жене другого. А значит, позволяют обращать внимание на что-то, что скрыто за явленным наружу.

Это орудие позволяет прозревать сквозь внешние слои защиты, сквозь лопоть, как называли ее мазики, и видеть то, что действительно движет людьми и что они пытаются скрыть. Где это орудие находится?

Безусловно, в сознании человека. Иначе говоря, там, где хранится Образ мира и образы тех миров-сообществ, в которых человек избрал утверждаться и завоевывать достойное место. Именно ради этого места он и развивает свои способности, учась видеть скрытое, не допускать ошибок и побеждать.

Можно ли это считать мыслями?

В широком смысле, особенно когда точные понятия не имеют значения и ты небрежен в высказываниях, наверное, да. Я не берусь сейчас говорить о том, что необходимо различать мысли и думы; одни – как орудия мышления, а другие – разума. Но я вынужден показать: когда языковед или психологи говорят про мысли, которые как-то для них связаны с вниманием, они говорят чрезвычайно общо. В эти их «мысли» может войти все, что угодно. Так сказать, мысль – это «все, что происходит в голове».

Иными словами, для лингвиста и психолога все «мысли» в данных определениях есть одноуровневые предметы, вполне сопоставимые между собою. Вероятно, они различаются лишь по содержанию, то есть по тому, о чем они. Их можно всячески тасовать, как карты или фишки, к примеру сосредоточивая.

И там точно нет и намека на различение образа мира, в котором просто собраны все знания человека о мире, мировоззрения, которое заставляет человека стремиться к какому-то месту в обществе, устройства сообщества, которое играет в футбол, делает политику или крутит любовь с чужими женами или мужьями. Там нет образов себя, образов вещей и образов действий.

Там всё, что есть, – мысли, и этого достаточно.

ТАМ не всё мысли. Что-то вообще думы, что-то – рассуждения. А что-то и мысли в том значении, в каком мазыки под мыслями понимали устоявшиеся образцы для поведения. Но пока мы все называем мыслями, то, что их можно сосредоточивать, воспринимается как само собой разумеющееся.

Но стоит нам войти в рассмотрение того, из чего же в действительности состоит сознание, как выявляется вся поверхностность такого подхода: как сосредоточить в некую единую точку образ мира, мечту из детства, главную ценность своего мировоззрения, и то, что дождь мешает бегать по траве? Особенно, если расстроен из-за того, что жена ушла к другому?

Если мы действительно хотим понять внимание, обобщенные и приблизительные объяснения не пройдут. Они даже не должны быть точными. Объяснения должны просто исходить из описания того, что действительно происходит в сознании. И даже застоявшаяся кафедральная лень не оправдывает психолога, который предпочел сократить свое сочинение, исключив из него лишние описания работы того устройства, которое он так ловко выкинул из рассмотрения, назвав мыслями.

Глава 9. Сосредоточение на мысли

Если языковед или психолог определяет внимание как сосредоточение мысли или мыслей, то такому определению доверять нельзя. И не потому, что оно однозначно неверно. Я даже не могу судить, неверно ли оно. Возможно, где-то глубоко за слоями смыслов, которые вкладываются в понятия «внимание» и «мысль», вдруг обнаружится, что это определение имеет под собой какую-то действительность.

Но это в предполагаемой глубине, до которой еще идти и идти. А пока это определение говорит лишь о том, что ученый просто поленился и ограничился небрежным и поверхностным определением, в котором неясны все его составляющие. Тем не менее уже сейчас видна разница между определением Ожегова и определением Платонова и Голубева:

«Внимание – это такая организация психической деятельности, при которой определенные восприятия, представления, мысли или чувства сознаются отчетливее других, отходящих на второй план...» (Платонов. С.101).

Вот это совсем другое дело! После невнятного сосредоточения мыслей сосредоточение на мысли – качественный шаг к пониманию. Вот только беда, Платонов и Голубев вообще не говорят о сосредоточении; они, видимо, почуяли, что это коварное понятие, и заменили его на вполне научную и неуязвимую «организацию психической деятельности». Я бы даже сказал, непробиваемую!

Вот я пытаюсь понять, что это такое, и чувствую, что все мое внимание направлено на организацию психической деятельности, благодаря которой мысли мои о ней осознаются отчетливее... Мысли осознаются. И правда, осознаются. Да. Мысли осознаются... Да. Яснее осознаются.

А где организация?! Почему я не чувствую никакого ее присутствия? Что это за тайное правительство России, которое ежесекундно организует психическую деятельность наших граждан, само оставаясь в тени?! Или в глубоком подполье?!

Почему, прекрасно видя разницу между теми «мыслями», которые мною осознаются, и теми, которые не осознаются, я совсем не могу нащупать организацию моей психической деятельности? Думаю, только потому, что не понимаю, о чем идет речь. И, боюсь, сами психологи тоже. Зато они прекрасно понимали, что таким способом уведут внимание читателей от собственно внимания.

Прочитав, что внимание есть организация психической деятельности, любой профан поймет, что дальше не его ума дело, и отстанет со своими дурацкими вопросами. Да и не профан, если взглянется в это определение, почувствует, что оно построено так, что внимание переводится на вторую часть высказывания, на ясность осознания.

Психическая организация – просто темное место, что-то вроде заплаты над неведомым или таблички с надписью: в эту дверь не входить, за ней еще не построено здание. Иными словами, эта часть действительности еще не описана наукой.

Конечно, я сунусь в эту дверь, но чуть позже, когда у меня будет хоть какая-то ясность с искомым понятием внимания. Поэтому я пока оставлю психологов в их странном покое и вернусь к языковедам. Мною еще недоразобраны примеры из Ожегова:

«Отнестись со вниманием. Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Отнестись со вниманием. Уф, как непросто! Точнее, так просто, что даже и сказать-то нечего! Мысль, как шарик для пинг-понга, ударяется о подобное высказывание и отлетает, бес- сильная. Потому и не рождается глубоких определений внимания у языковедов и психологов.

И все же!

Если вспомнить исходное определение, то внимание – это сосредоточение мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь. И что же в данном случае сосредоточивается на чем-нибудь?

Вообще-то, отнестись со вниманием можно либо к человеку, либо к сложной задаче, но, кажется, тоже связанной с людьми. Если задача будет без людей, например, минное поле или опасная дорога, то напутствуют словами «будь внимателен!». Почему? Потому что там опасно!

Отнестись со вниманием не относится к опасности. Точнее, не относится к опасности телу. Хотя возможна опасность для твоего общественного положения. Допустим, врача просят отнестись со вниманием к какому-то пациенту. Почему? Он ведь и так должен относиться ко всем пациентам со вниманием. Потому что этот пациент особенный. Он как-то важен для того, кто просит.

Кто может просить? Либо начальство, либо кто-то со стороны пациента. И если вслушаться в высказывание, за этой просьбой всегда стоит какая-то угроза. Не очень явная и не очень страшная. Главврач не будет «заказывать» хирурга, который не выполнил его просьбу. Но он ухудшит к нему свое отношение.

Родственники, вероятно, тоже не будут его бить. Но скандал устроить могут. И тогда главврач снова ухудшит свое отношение. И даже подать в суд. Тут уж все очевидно. Впрочем, со стороны пациента могут быть возможности и покруче. И если просят не родственники, то небрежность может кончиться весьма плачевно.

Очевидно, что внимание является важнейшим средством не просто выживания, но и противодействия опасностям. И прямым, то есть опасностям для тела, и косвенным, то есть опасностям для личности как для своеобразного второго тела, в котором мы живем в мире-обществе.

Но что же такое внимание в таком случае? Есть ли оно сосредоточение мыслей или зрения, слуха?

Если вдуматься, то, как только мы начинаем видеть внимание как орудие противодействия опасностям, все перечисленные части определения уместны в каком-то смысле. Иными словами, сколь бы слабы ни были определения, создаваемые учеными, за ними стоит их вполне бытовое понятие о внимании, и им неоткуда извлекать знания о том, что же оно такое.

В силу этого все определения внимания содержат в себе какие-то черты этого явления. Иначе говоря, они так или иначе верны. Но вот так или иначе – еще надо суметь рассмотреть.

Так что же верно в этом определении, если мы понимаем, что внимание включилось, как только в пространстве запахло опасностью?

Определенно, человек, и даже любое живое существо, сразу же включил зрение и слух, а точнее, все органы восприятия, которые позволят ему выжить. Но вот беда, они никогда не выключаются. Даже во сне! И во сне все органы восприятия работают, только направлены в иное пространство.

И поэтому, когда человеку говорят: проснись, опасность! – ему говорят о том, в какое пространство или в какой мир надо направить восприятие. Вот и врача, которого просят отнестись со вниманием к пациенту, предупреждают, из какого мира к нему придет опасность. А придет она к нему из той двери, которой является пациент.

И что должен делать врач? А что-то совсем странное, если понять, что у него всего одна задача – держать эту дверь закрытой. Когда это понимаешь, все его хирургические или какие-то иные действия превращаются в весьма странный и, вероятно, магический танец, которым он изгоняет опасность из своего мира.

Причем, изгоняет он вполне мистическую опасность, так сказать, Опасность как таковую. А вот явит она себя, если не запечатать свой мир, во вполне привычном и понятном виде, скажем, пары бритых братков.

И опять попытка взглянуть во внимание приводит к потрясающей глубине этого понятия, по крайней мере, в русском языке. В предыдущих главах стало очевидно, что внимание позволяет прозревать сквозь все слои культуры, заглядывая в то, что правит нашими жизнями. Сейчас видно, что оно осмыслялось народов в глубокой древности, когда миром правила первобытная магия, имевшая задачей оберечь мир и жизнь.

Тот самый странный набор телодвижений, который можно назвать магическим танцем, мы исполняем постоянно. И суть его, как это называется в науке, апотропейная, то есть обережная, по-русски.

Но пока это все относится к органам восприятия, все очевидно. А что с сосредоточением мыслей при появлении опасности?

Похоже, никакого сосредоточения нет вообще. А есть переход с разных мыслей на одну определенную. И мысль эта в действительности вовсе не о пациенте или просителе, к которому попросили отнестись со вниманием.

Она о целеустройстве. Она меняет мое целеустройство, делая из этого случая задачу, которую надо решить, чтобы жизнь осталась хорошей или даже стала лучше.

Я ставлю себе это целью или не ставлю. И если ставлю, то я «отнесусь к человеку со вниманием». А не поставлю – отнесусь к нему как ко всем. И буду наказан.

Если задача поставлена, она сама подберет все необходимые действия и слова. А значит, и мысли. И никакого сосредоточения! Совсем!

Есть задача, и она требует не сосредоточивать какие-то обильные мысли. Более того, это на войне, чем больше войско сосредоточишь на каком-то участке фронта, тем легче будет победить. В деле как раз наоборот, чем больше их согнать к этой точке, тем сильнее они помешают.

Если появилась опасность и ты принял для себя это как цель, то разум создаст задачу и подберет именно те «мысли», которые ее решат. Их будет и не много и не мало. А ровно столько, сколько нужно для решения. И они не будут ни сосредоточены, ни рассредоточены. Они будут именно теми, которые нужны.

Очевидно, что «сосредоточение» в данном случае показалось лингвисту наиболее подходящим словом, чтобы обозначить то, что при направленности внимания на что-то из числа заполняющих сознание мыслей отбрасываются все лишние и оставляются только необходимые.

Однако если мы взглянем, то делает это разум, определяя задачу. А вовсе не внимание!

Внимание лишь дает толчок для деятельности разума. Однако и это не так просто. А как внимание поняло, что я столкнулся с опасностью? Ведь ее надо было распознать! И распознать в данном случае как культурное явление, как нечто, что может распознать только тот, кто хорошо знает устройство общества.

Значит, сначала включился разум, распознал опасность и тут же направил на нее внимание? А внимание заставило его выполнить все необходимые действия, не упустив ничего важного для выживания?

Между разумом и вниманием определенно есть какая-то плотная связь, но пока она мне не по зубам.

Глава 10. Принять во внимание

У меня остались не разобраны еще несколько примеров из словаря Ожегова: «Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Часть примеров кажутся вполне очевидными, другие столь же очевидно непросты. Можно ли считать, что, когда говорят: привлечь чье-нибудь внимание, речь действительно идет о внимании? Как кажется, это бесспорно. Но попробую воссоздать те условия, к которым применимо это выражение.

Итак, речь, безусловно, не о каком-то безадресном выражении. Иначе говоря, в данном случае не говорится о том, чтобы привлечь хоть чье-то внимание, в данном случае рассказывается о попытках привлечь внимание вполне определенного человека. К примеру, ты стоишь в толпе, а мимо проходит колонна, в которой идет твой знакомый. И ты машешь руками, прыгаешь и кричишь, чтобы привлечь его внимание.

А на самом деле ты делаешь это все, чтобы он тебя увидел.

То же самое, только гораздо более сдержанно, ты проделываешь в театре, когда замечаешь своего знакомого в ложе или на балконе. Кричать и прыгать нельзя, но можно смотреть на него и махать ему рукой. И опять же, задача – сделать так, чтобы он тебя увидел.

Другой случай: вы за общим столом, и человек говорит что-то такое, чем может по неведению ранить другого. И тут ты пинаешь его под столом, проливаешь вино или просишь передать тебе блюдо, чтобы он поглядел на тебя и понял те знаки, которые ты собираешься ему подал.

Определенно, что каждый раз мы используем внимание. Но столь же однозначно можно сказать, что мы используем необычное поведение, которое вызывает произвольное внимание. Внимание не является в данном случае нашей целью, и мы вовсе не собираемся привлекать внимание. Мы хотим лишь заставить его работать, чтобы с его помощью сделать нечто иное.

Иными словами, этот пример, безусловно, говорит о внимании. Но столь же безусловно он говорит о том, что внимание остается где-то в глубине, используемое, но совершенно непонятное. При таком обращении к вниманию мы подобны дикарям, которые уловили связь между кнопкой на стене и лампочкой под потолком. И потому считают, что умеют пользоваться электричеством...

Предполагаю, что и «вниманию зрителей!», то есть предложение зрителям обратить внимание на то, что сейчас будет сказано, тоже пример использования, но не определения внимания. Для того чтобы содержание объявления могло быть мною использовано, мне придется после восклицания «вниманию зрителей!» какое-то время удерживать свое внимание на том, что дальше будет говориться. Иначе я не ухвачу содержания объявления и не смогу им воспользоваться.

Да, и в этом случае речь идет о внимании. Но действительный смысл этого восклицания: послушайте! И послушайте так, чтобы использовать услышанное. Послушайте и для этого включите внимание, а отнюдь не включите внимание и используйте его.

Иными словами, оба эти примера говорят о внимании, но опосредованно, как об условии какого-то иного действия. Поэтому понять из них, что такое внимание, не легче, чем из предложения хорошо пережевывать пищу, чтобы она лучше переваривалась, что такое пищеварение. И, кстати, очень возможно, что подобное бытовое использование понятия о внимании даже затрудняет понимание внимания, как и уверенность обывателя в том, что тщательное пережевывание пищи облегчает пищеварение, обманывает и не дает понять само пищеварение.

И все же это гораздо более ясные примеры по сравнению с «принять во внимание». Вот тут я понимаю, что не понимаю ничего. Имеет ли этот пример хоть какое-то отношение к

вниманию? Или же речь, условно говоря, идет лишь о внимательном лице? А на самом деле требуется лишь выполнить какие-то действия, которые общество или кто-то заинтересованный ожидают от меня?

Что могут потребовать принять во внимание? Вероятно, какие-то обстоятельства или свидетельства, без которых не будет воссоздана полная картина происшествия, а значит, я не смогу произвести точное суждение и вынести верное решение. Просящий принять во внимание и даже требующий и приказывающий это каким-то образом зависит от моей способности составлять полноценную картину чего-то, а потом действовать на основе ее.

Даже преподаватель, требующий от студентов принять во внимание какой-то штрих, понимает, что на экзамене те студенты, которые этот штрих к своему ответу не добавляют, вынудят его поставить им плохие оценки. А ему этого не хочется, потому что он, как честный учитель, обязался дать им хорошее образование. И он снимает вину себя тем, что в нужном месте требует обратить внимание или принять во внимание то, что важно.

Но ведь в данном случае можно считать, что преподаватель требует просто запомнить. И это будет верно.

Однако, когда такое же требование высказывает на суде адвокат, он обращается не к памяти, а к образу мира, который объясняет, почему подзащитный совершал те или иные действия или не совершал их. Это не вопрос запоминания, хотя для вынесения суждения судья или присяжные, бесспорно, должны эту деталь запомнить. Но тут обращение не к памяти, а к разуму.

Без «принятия во внимание» они не смогут производить суждения, то есть рассуждать здраво.

Точно так же и учащиеся, если не примут во внимание, к примеру, боковую скорость ветра, не смогут решить физическую задачу о том, как летит стрела. Решать задачи – это думать.

В итоге мы имеем выражение, которое описывает, как использовать внимание, чтобы заставить работать либо память, либо рассудок, либо разум. И похоже, это основное использование внимания. Непонятно только, причем тут внимание вообще! И особенно, как можно в него что-либо принимать?

Чтобы можно было принять во внимание что угодно, хоть образ, внимание должно быть неким пространством и обладать объемом.

Вот если речь идет о том, чтобы обратить внимание, – это привычно. И мы непроизвольно понимаем внимание как некий поток восприятия, то есть что-то вроде луча фонарика наоборот. То есть как луч, не изливающийся из источника света, а вбирающийся в него вместе с воспринятым.

Уже сам по себе образ вбирающегося, а не изливающегося луча, странен. Природа, кажется, не знает подобных примеров, хотя воображение запросто создает подобный образ. Очевидно, он из разряда тех сложных вещей вроде теории относительности, которые редко бывают доступны обитателям нашей планеты. Что не значит, что невозможны условия, в которых подобные лучи существуют. Возможно, это происходит там, где время течет вспять.

Но это если речь идет о луче света. А мы говорим о восприятии, и тут физическая аналогия весьма сомнительна. Тем более что никакой луч из глаза, кажется, не исходит, хотя все знают, что временами наши глаза светятся, и это физика не объяснила. Тем не менее, физически глаз – это воспринимающая поверхность, составленная из множества рецепторов, которые не испускают, а наоборот, вбирают в себя свет, отраженный от предметов.

Что означает, что восприятие – это способность выводить суждения о предметах по тем отблескам, что от них отражаются. Но вот внимание описывается языком именно как некий луч, истекающий из глаз и остальных органов восприятия. Именно поэтому внимание можно обратить или направить на что-то. Действительное ли это описание явления, или же всего лишь

иносказание, метафора, дающая лишь самую отдаленную опору для понимания действительного явления?

Как бы там ни было, как только приходит сомнение в том, что понимание внимания как некоего луча весьма сомнительно, становится приемлемым и то, что внимание можно рассматривать как некий пространственный объем, в который можно принимать нечто. Например соображения, обстоятельства, условия. В действительности же – образы и только образы!

И если это станет очевидным, то возникает следующее сомнение: а о внимании ли идет речь, когда мы предлагаем принять во внимание? Образы существуют в той тонкоматериальной среде, которая называется сознанием. Но и в отношении сознания существует привычная культура понимания его как луча осознания. При этом те же самые люди, которые видят сознание как лампочку, которую можно выключить щелчком выключателя, не задумываясь говорят о содержаниях сознания, о его глубине, о величии образов, хранившихся в сознании художника!

Иными словами, очень похоже, что выражение «принять во внимание» оказалось порождено общим отсутствием некой культуры, относящейся и к сознанию, и к вниманию, и к разуму, и даже к уму. Наблюдая сознание, человек вдруг замечает признаки внимания и приписывает их сознанию. И наоборот. И это закрепляется в речи. Причем чаще всего в научной.

Вот и в данном случае, если вспомнить, что с помощью требования «принять во внимание» говоривший заставил слушающих проделать какие-то действия, которые и были его целью. Иначе говоря, обращение ко вниманию тут вовсе не непосредственное, то есть внимание отнюдь не является главной целью говорящего. Опосредованно через включение внимания он управляет либо памятью, либо разумом слушателей. И добивается своего с их помощью, а не с помощью внимания.

При таком видении происходящего объемность внимания кажется выражением, относящимся все же к сознанию. Иными словами, слушателям предлагается использовать внимание, чтобы принять некое обстоятельство в рассмотрение или рассуждение.

А поскольку рассматривать мы можем только некие образы, например представления, то они определенно пространственны и обладают объемом. Ведь в этих представлениях скрыт образ мира, а значит, глядя в них, человек видит этот мир как вполне определенное пространство, обладающее не просто объемом, а вмещающее в себя и всех участников события, и все обстоятельства!

Имя «внимание» в данном случае явно используется для обозначения некоего рабочего пространства сознания, которое, похоже, без волшебного ключика внимания не открывается и не впускает в себя. Не открывается не в том смысле, что оно как-то заперто, а в том, что если не приложить усилия, новое обстоятельство просто выпадет из осознаваемой части моего сознания и будет утеряно, то есть забыто на время рассуждения.

Чтобы обстоятельство было принято рассуждением и привилось к нему, необходимо усилие, которое и дает внимание.

И если это так, то тут, возможно, речь идет о внимании не как о пространстве или объеме, а как о потоке, вроде того же луча света, состоящего из фотонов, в который можно поместить необходимые образы. И тогда этот луч прорвется сквозь оболочку представления или рассуждения и вложит в них дополнительное «обстоятельство», то есть дополнительный образ, как будто он естественная и живая часть уже имевшихся образов.

В таком случае принять во внимание – это принять в поток некой силы, которая питает нашу способность думать...

Быть может, и так. Но как это проверить?

Глава 11. Уделить внимание

Из примеров, найденных Ожеговым, остались только: «Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания».

Очевидно, что это разные грани русского понятия о внимании, что значит, в этих примерах отразилось разное понимание внимания, и в то же время эти два понимания дополнительны друг к другу. Что значит быть в центре внимания? Относится ли это к вниманию вообще?

Очень даже возможно, что человек, находящийся в центре внимания, вообще не присутствует там, где собрались те, кто поместил его в этот центр. «Вчера мы хорошо посидели всей нашей компашкой у Ивановых, и ты весь вечер был в центре нашего внимания!» Или: «Этот актер постоянно находится в центре внимания нашего журнала, а значит, и его читателей».

Но может оказаться и так, что внимание тут прямое и непосредственное: я вывалился из темноты прямо в освещенный зал и оказался в центре внимания всех собравшихся. Вот тут неожиданное появление человека, которого либо не ожидали, либо, наоборот, ожидали собравшиеся, действительно привлекло внимание всех. И именно наличие какого-то количества тех, кто направляет внимание, создает его «центр».

Несколько иное качество этот «центр» имеет в выражениях вроде «в тот день я, как и полагается имениннику, постоянно находился в центре внимания и детей, и взрослых». Тут очевидно, что дети и взрослые не держали меня постоянно посреди своей толпы, как некую точку, в которую было направлено их внимание. Но, празднуя, они постоянно делали что-то приятное для меня, а значит, они постоянно помнили обо мне и соотносили все происходящее с тем, как это должно отозваться в моей душе.

Очевидно, что для создания «центра» внимания необходимо несколько людей. И само это выражение не означает ничего, кроме некоего качества при оценке внимания. Причем это не качество самого внимания, поскольку от сложения нескольких вниманий никакого сложения не происходит, хотя наши психологи и изобрели понятие «коллективного внимания».

«Коллективное внимание» – это все же не внимание какого-то большого существа по имени «коллектив», а внимания всех тех людей, которые в этот коллектив входят. Впрочем, я имею в виду лишь те обычные состояния сознания, которые описываются исследователями «коллективного внимания», вроде внимания учеников в классе или зрителей в театре. Безусловно, если суметь добиться глубокого слияния сознаний, возможна речь не только об измененном состоянии сознания, но и об измененном состоянии или качестве внимания. Однако возможно ли это в действительности, еще надо исследовать.

Итак, выражение «центр внимания» есть лишь подсказка, что некие действия с вниманием делали одновременно несколько человек. Но что они делали? Что надо сделать с вниманием, чтобы кто-то оказался в его «центре»?

Похоже, именно уделить его.

Это значит, что никакого действительного «центра» у внимания нет. «Центр внимания» – это иносказание, показывающее в отношении внимания, что людей, которые его уделяют, несколько или много, то есть дающее количественную характеристику сообщества людей, в данный миг управляющих вниманием. Это с одной стороны. С другой, это выражение дает еще и пространственную характеристику этого сообщества: эти люди, условно говоря, собрались так, что образовался некий центр или фокус, в котором и собираются лучи их внимания.

Иными словами, «центр внимания» – это вообще не о внимании, а о людях, объединенных определенной деятельностью.

А о внимании только то, что и является этой деятельностью для каждого.

Что это за деятельность?

Очевидно, что когда я внезапно ввалился в комнату, где меня не ждали, у людей, если использовать классическое павловское выражение, принятое у психологов, сработал «ориентировочный рефлекс» – что такое? А если подумать об этом с точки зрения работы разума, то разум этих людей непроизвольно перешел, так сказать, в режим обеспечения выживания и быстро проверил, опасно или не опасно то, что внезапно ворвалось в пространство восприятия.

Именно эту работу и проделывали люди с помощью внимания в том случае, когда «центр внимания» образовался непроизвольно. И внимание здесь, пожалуй, вовсе не уделялось. Оно перескакивало на новый раздражитель само, поскольку предполагалась угроза жизни. И столь же легко и естественно убежало от меня, как только людям стало понятно, что я тут человек случайный.

Но когда внимание уделяла мне на моем дне рождения мама, она, безусловно, делала это не из страха за жизнь. Она обо мне помнила и думала. Она хотела сделать мне приятно и поставила себе такую цель. А разум разложил ее на задачи: как сделать так, чтобы каждое маленькое событие, задуманное для моего дня рождения, включало в себя меня и делало мне приятно.

Мама была очень сильно поглощена решением этой задачи, и ее внимание «уделялось» мне мощным потоком и почти без усилий с ее стороны. Почти как то непроизвольное внимание, что пролили на меня напуганные моим внезапным появлением люди.

И точно то же самое, только в гораздо меньшем размере, делали остальные гости. Некоторые делали это осознанно и намеренно, решая ту же задачу, что и мама, – разыграть каждое событие так, чтобы мне было приятно. Другие забывали обо мне и вспоминали лишь потому, что события строились так, чтобы именно я оказался в «центре внимания», что в данном случае означает, что событие и кто-то из людей приводили к тому, что все были вынуждены посмотреть на меня и даже что-то сделать.

Иными словами, вполне разумные действия вели к тому, что люди сначала вынуждались «обратить внимание» на кого-то определенного, а потом и «уделить ему внимание», что, с очевидностью, не одно и то же.

И это значит, что «уделить внимание» – это вовсе не направить его на кого-то, как это случается с теми, кто непроизвольно оказался в «центре внимания». И это даже не усилие, которым мы заставляем внимание направиться на то, что нам уже неинтересно. Уделить внимание – это сделать какие-то действия после того, как приложил усилие, чтобы внимание направить.

И мы, похоже, снова имеем иносказание: «уделить внимание» – это не выражение, говорящее о внимании. Точнее, внимание тут мелькает где-то в самом начале, когда ты делаешь усилие, чтобы обратить его на нужный предмет. А потом оно не нужно и может плавать где-то в глубинах твоего сознания, пока твои тело и личность делают ожидаемые дела.

Думаю, наиболее подходящий перевод для выражения «уделить внимание» – это «уделить время». Но и это выражение весьма непросто и не однослойно, поскольку никаким временем мы не владеем. Это следующий уровень иносказания, так сказать, иносказание в иносказании: уделить время – значит оторваться от того, чем бы ты хотел заниматься, и заставить себя сделать нечто для другого человека.

Почему и зачем – особые вопросы, которые сейчас не имеют значения. Кратко: потому что твое целеустроение предполагает, что если этого не сделать, твоя жизнь либо ухудшится, либо не улучшится.

Важнее, что «уделить внимание» – это «уделить время», а «уделить время» – это выделить часть сил для работы или услуги другому человеку. Что значит, сделать небольшую петлю на своем пути к той важной цели, ради которой строится твоя жизнь. Но если этого не сделать, то есть не свернуть с прямого пути, в конце которого видится сияющая вершина твоего счастья, то эта самая «прямая дорога жизни» внезапно окажется тупиком, поскольку люди усложнят твою жизнь.

Но это относится к тому, с помощью чего мы, а точнее наш разум, управляет вниманием. А что касается собственно внимания, то, похоже, оно в состоянии управлять силой, если не прямо перераспределяя ее, то уж точно создавая условия для перераспределения. При этом нельзя забывать, что это не просто какая-то физическая сила и не какая-нибудь мистическая сила – это сила жизни, этот тот самый жизненный порыв, о котором когда-то писал Анри Бергсон.

Мы все видим его бурлящим ключом, когда он бьет внутри наших детей. Но как-то теряем с годами и все чаще чувствуем себя уставшими и лишенными сил. И никто не знает, как вернуть эту кипучую силу и охоту жить, хотя все мечтают о возвращении молодости и долголетия. Не через познание ли внимания достигается такая способность?

Глава 12. Направить внимание

Я разобрал языковые примеры использования слова «внимание», собранные Далем, Ушаковым и Ожеговым. Теперь я хотел бы понять те примеры, что приведены в «Словаре русского языка» под редакцией Евгеньевой. Ее определение кажется мне явно неудовлетворительным, но я уже разбирал его ранее. Поэтому сразу перейду к примерам.

Итак:

«Внимание. 1. Сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на каком-либо объекте, направленность мысли на что-либо. Направить внимание на что-либо. Слушать со вниманием. Отвлечь внимание противника».

Мне кажется, в отличие от предшественников авторы этой статьи нашли действительные примеры именно внимания. Они, на мой взгляд, не очень соответствуют определению, но зато раскрывают сам предмет.

Направить внимание. Мы действительно умеем «направлять внимание». Это очень точно. Или вообще не имеет отношения к действительности, если окажется, что внимание – это совсем не то, что предполагается в этом определении. Одна из психологических теорий внимания предполагает, что его вообще нет. Что этим именем «внимание» обозначается нечто несуществующее, из-за чего, используя философский язык, происходит гипостазирование, то есть создание несуществующей сущности.

А в действительности внимание – это лишь способ говорить о восприятии. И тогда вопрос оказывается в том, можно ли направлять восприятие? Это кажется очевидным. Мы вполне можем воспринимать нечто избирательно. Но именно это и есть внимание или восприятие со вниманием. Это значит, что сказать «направить внимание» – это все равно что дважды употребить одно и то же слово. Нечто вроде «направить направленное восприятие».

Если восприятие уже направленное, если оно идет со вниманием, то как его еще направлять? Высказывание оказывается безграмотным.

Впрочем, это только в том случае, если внимание действительно не существует. А это весьма сомнительно. И я надеюсь, что когда я доберусь до разбора подобных теорий, это станет вполне очевидным. В таком случае если внимание все же есть, кажется, что его вполне можно направлять, поскольку мы все постоянно делаем нечто подобное в жизни.

Однако вопрос остается. Если я не знаю, что такое внимание, я не могу и быть уверенным в том, что с ним можно делать. Действительно ли я направляю внимание, когда мне кажется, что я это делаю. Или же я с помощью внимания направляю восприятие? А оправданно ли и такое утверждение?

Способно ли внимание направлять восприятие? Или же это дело разума? А внимание занято совсем иными задачами? Оно, безусловно, что-то делает с восприятием. Но что? Направляет его? А зачем? Зачем вниманию направлять восприятие? Если исходить из того, что делает восприятие, то, условно говоря – чтобы с его помощью поглядеть на что-то?

В таком случае внимание использует восприятие как подзорную трубу или лупу для тщательного разглядывания того, что это самое внимание привлекло. Но тогда внимание становится деятелем. А это кажется абсурдным. Внимание, безусловно, некая способность или свойство, но уж никак не тот, кто рассматривает. Внимание – это то, что используется при рассматривании; оно – одно из моих орудий.

Следовательно, внимание не может направлять восприятие. И не может с его помощью разглядывать нечто тщательнее, чем если бы оно разглядывалось без внимания. Но тогда зачем его направлять? И на что его можно направить?

Вот меня заинтересовал странный звук. Я начинаю прислушиваться и делаю это со всем возможным вниманием. Очевидно, что это как раз такой миг, когда я «направляю внимание». Но на что?

На звук? Или же на сам поток восприятия, который поступает через органы слуха в мое сознание? Может ли мое внимание вообще прикасаться к предметам внешнего мира? Или Беркли был прав, и именно во внимании мы имеем пример того, что всегда внутреннее и наружу выйти не может.

Это утверждение соблазнительно, поскольку если бы внимание рассматривало внешние предметы, оно бы действовало вместо органов восприятия и тем сделало бы их ненужными. Исходя из предположения, что природа лишнего не терпит, приходится считать, что каждое мое орудие делает свое дело: восприятие воспринимает, а внимание внимает. И это совсем не одно и то же!

Этот пример тем более важен, что исходно, как вы помните, считалось, что внимает, или внемлет, – это как раз слушает. Точнее, внимательно слушает. Но что слушает, когда мы внемлем, – ухо или внимание?

Очевидно, что, говоря «внемлет», русский язык подчеркивает некое особое качество привычного действия. Внимать – это не просто слушать, не слушать как обычно, а слушать как-то особенно, с некой глубиной и с особым качеством, позволяющим извлечь из услышанного гораздо больше.

Вот эта способность извлекать нечто из услышанного или увиденного, похоже, и есть суть внимания. Внимание не созерцает предметы и явления внешнего мира. Оно извлекает нечто из потока восприятия. А значит, является следующим, так сказать, глубинным уровнем какого-то действия, которое начинается с восприятия. Допускаю, что с познания.

Но познание имеет на выходе знание. Иначе говоря, это действие, осуществляемое соответствующими органами человека, чтобы получить знания. Очевидно, о мире или о себе. И внимание вписано в эту цепочку условных органов или последовательность действий по обработке поступившего. Поступившего куда?

Очевидно, в сознание. То, что воспринято, либо не осознается нами, и тогда из него не рождается знание. Либо осознается, то есть, как прямо звучит в этом слове, превращается в знание. Где-то здесь, между восприятием и осознанием, и скрывается внимание.

Можно ли его направить на что-то, и если можно, то на что и зачем?

Очень похоже, что направить его можно именно на то, что уже поступило в сознание, но еще не превратилось в знания. А это – впечатления. То есть те самые непосредственные отпечатки, про которые говорили еще Сократ, Платон и Аристотель. Как утверждал Сократ, отпечатки эти, или впечатления, остаются в среде, окружающей душу. Но со временем могут стираться, как следы на песке.

Очевидно, что это было первое описание оперативной памяти, которая до долей секунды измеряла, сколько времени держатся такие не закрепленные в памяти впечатления. Но почему они не закрепляются? Ответа два, и они, условно говоря, разного уровня. Первый: потому что они не перешли в память, не были запомнены. Второй – и он же объясняющий, почему они не запомнились, – потому что на них не было направлено внимание.

Мое понятие о внимании только что позволило вполне естественно употребить выражение «направить внимание». Значит, я ощущаю, что направить внимание действительно возможно. Но до этого такое выражение казалось мне неистинным, а теперь я в нем не сомневаюсь. При этом мое утверждение далеко не доказано и тянет за собой множество вопросов о том, как действительно устроено наше сознание и работа разума. И все же!

И все же определение, как говорится, сферы приложения внимания как потока впечатлений, которые мы получаем от внешнего мира, выглядит чрезвычайно правдоподобным. Ясно-

сти оно прибавляет мало, но зато позволяет задуматься о том, чем же в таком случае может быть внимание. Правда, на выходе от такой задумчивости одни вопросы и смутные подозрения.

Если внимание направляется нами на впечатления, которые, по сути, и составляют поток восприятия, поступающий в сознание, чтобы подвергнуться распознаванию, а затем и осознанию, то что же тут делает внимание? Распознавать полезное или значимое в потоке впечатлений оно не может – оно же не есть распознавание. Обобщенно можно сказать, что это должен делать разум. Но разум делает много дел, поэтому можно сказать и то, что он же и направляет внимание. Однако вряд ли можно сказать, что он и есть внимание. Это моими бытовыми понятиями о разуме и внимании никак не принимается.

Разум зачем-то использует внимание. Понятно, что на поверхностном уровне исследования возможен ответ: разум использует внимание, чтобы не пропустить опасность или нечто полезное. Это очевидно. Пока я воспринимаю со вниманием, я ничего подобного не пропущу. Но стоит мне отвлечься – и готово!

Но что значит отвлечься? Отвлечь внимание? Нет, тут все очевидно: отвлечься – это либо посмотреть на что-то иное, либо подумать о чем-то ином. Это явно означает иное направление восприятия.

Но означает ли это, что внимание механически привязано к восприятию, и произвольно окажется именно там, куда я направил восприятие? На первый взгляд, это именно так! В таком случае, внимание – это свойство восприятия. Но если это так, то любое восприятие идет со вниманием. А когда внимание пропадает, то означает это лишь то, что мы не удержали восприятие направленным на один и тот же предмет. Наше восприятие начало бегать, и с ним забегало внимание, что и называется в речи его потерей.

Но восприятие не может бегать. Оно тоже не деятель и не может само себя направлять. Это лишь орудие, используемое разумом. Следовательно, потеря внимания – это лишь перевод восприятия с одного важного для разума предмета на другой. А еще точнее, быстрое перебегание с одного предмета на следующий и далее.

Вот когда мы не в силах удержать восприятие лишь одного предмета, мы и говорим о том, что не можем удержать внимание на чем-то одном. В таком случае, не означает ли внимание некую силу, с помощью которой разум управляет восприятием?

В этом предположении ощущается некая истинность, и в то же время оно противоречит предположению, что внимание извлекает знания из потока впечатлений. Если оно лишь извлекает их, как оно может и удерживать восприятие на чем-то одном? Может ли оно делать это тем, что просто не отпускает нужную струю впечатлений, словно бы прилипнув к ней, прильнув, как томящийся жаждой к поверхности ведра с водой – и это ведро не оторвать, пока он с силой к нему присасывается?

Вопросы, вопросы...

Глава 13. Слушать со вниманием

Похоже, что следующие примеры из словаря Евгеньевой: «слушать со вниманием, отвлечь внимание противника» – прямо продолжают предыдущий разговор. Возможно, они позволяют глубже понять, что значит «направить внимание».

Слушать со вниманием – это, с одной стороны, направлять внимание на то, что слушаешь. С другой, если вспомнить определение этого словаря, это «сосредоточенность... слуха на каком-либо объекте». Тут сразу возникает вопрос: направлять внимание и сосредоточивать слух – это одно и то же? Если исходить из требований логики, то получается, что так.

Но в таком случае направленность и есть иное имя для внимания. Как, впрочем, и сосредоточенность. Что, по сути, означает, что вниманию отказывается в собственном существовании. Однако само русское выражение «слушать со вниманием» звучит так, что усомниться невозможно: внимание существует и распознается носителем языка. Причем распознается как нечто дополнительное к слушанию или любому иному восприятию.

Но ведь и сосредоточенность или направленность тоже дополнительные к восприятию. Можно слушать с сосредоточенностью или с направленностью. Можно, но все же подобные словосочетания не ощущаются естественными для русского языка, в отличие от «слушать со вниманием». Гораздо естественней – слушать сосредоточенно.

А уж направленность вообще не сочетается ни со слухом, ни со зрением. «Смотреть направленно» или «слушать направленно» звучит просто глупо. Хотя при этом мы понимаем, что вполне можем направить и слух, и зрение на что-то определенное. Однако направленное внимание звучит естественно, а направленный слух – как искусственная конструкция.

Слушать со вниманием – естественно!

И это опять возвращает меня к тому, что внимание каким-то образом добавляется к восприятию, и это вполне доступно нашему наблюдению. И, наверное, самонаблюдению. Что, кстати, еще вопрос! И вопрос важный.

Вот я слушаю нечто со вниманием. И вдруг решил проверить, со вниманием ли я слушаю. Для этого мне необходимо куда-то поглядеть, обратить свой внутренний взор, то есть поток восприятия, на свое собственное состояние. Естественно, оно в этот миг отвлекается от того, что я слушал. Следовательно, пропадает и внимание? И я обнаруживаю, что пытаюсь рассмотреть самого себя, но не обнаруживаю того внимания, с которым слушал.

Как же в таком случае я могу знать, что слушаю со вниманием? При этом я определенно знаю про себя, когда такое случается. Есть два предположения: либо я вспоминаю это задним числом, либо внимание не есть сосредоточенность восприятия, а является чем-то самостоятельным и может сохраняться какое-то время и после того, как восприятие завершено. И в такие мгновения, если направить внутреннее созерцание на него, его еще можно ухватить. Пусть как отток чего-то, какой-то среды, которая только что заполняла мое сознание.

Первое предположение гораздо вероятней. Мы ведь действительно помним, что были весьма сосредоточены на чем-то – настолько сосредоточены, что нас ничто не отвлекало и даже ничто не существовало. Мир как бы сжался в узкий коридор света, и было только то, что внутри этого коридора. Именно это состояние языковеды и пытаются передать словом «сосредоточение», хотя это явно нечто иное.

Очень правдоподобное предположение, но вот беда: мы не просто помним подобные состояния, мы их как-то умудрились запомнить! А для этого их надо было видеть прямо во время их существования. И если это и ощущалось как восприятие со вниманием, значит, мы видели свое внимание прямо во время его существования. И, значит, внимание можно наблюдать непосредственно.

Если бы это было не так, мы бы имели опыт наблюдения себя только без внимания, поскольку оно ускользало бы от нас с каждым переключением восприятия. Но мы, похоже, действительно способны наблюдать себя в состоянии внимания, ухватывая то ускользающее нечто, что только что было направлено на слух, а вот уже перетекает в наблюдение за восприятием. Знаменитый парадокс, описанный в прошлом веке как наблюдение за наблюдателем...

Не хочу сейчас вдаваться в это дзэнско-чаньское, а в действительности йогическое упражнение и всю его метафизику. Пока для меня важнее то, что собственное внимание всегда можно ухватить за хвост, то есть успеть заметить. И оно не исчезает, как только я задумал переключиться на наблюдение за ним. Этот как раз признак того, что внимание не есть явление метафизическое!

Оно явление психологическое, то есть имеющее некую, условно говоря, плоть и кровь. Метафизика, как она исходно была заложена Аристотелем и развивалась в Новое время после Декарта, болела некой отстраненностью от действительного мира. Во времена после Аристотеля она строилась по законам логики. Это сохранилось и после Декарта, однако значительно усилилась некая математичность самого подхода к метафизическим понятиям.

Психологизм, как это видно на примере многих философов прошлых веков, изгонялся из философского способа думать, чтобы произошло некое очищение исследуемых понятий. Особенно ярко это отразилось на феноменологии Гуссерля, которая в сущности является разновидностью логики. Почему я говорю о ее математичности?

Да потому, что никто, включая Канта или Гуссерля, не задался вопросом о действительной природе того же Логоса или Разума. Точнее, им казалось, что будет очень хорошо, если их оторвать от живого человека и рассматривать как некие космические явления, которые существуют сами по себе. И которые редкие философы могут использовать, а остальные люди только портят своей низменной связью с миром и обычной жизнью.

В итоге метафизические понятия оказались подобны знакам или числам. И если меняешь в таком знаке хоть черточку, меняется весь знак всецело. И если у тебя только что была единица, то двойка – это полностью иное, и в ней нет и следа от единицы! Это переключение из черного в белое, из света в тьму! В сущности, это возрождение платонической страсти к математике, где математические символы и стали основой всех идей.

Аристотель лишь пытался по-своему повторить с помощью логики то, что Платон сделал с помощью математики. Если вдуматься, то в этих их усилиях была воплощена мечта о точном языке философствования. А точнее того, как мы думаем. Именно эта мечта подвигла Канта на критику чистого разума, а Гуссерля – на очищение феноменов.

Однако психологизм не просто портил жизнь Гуссерлю. Он действительно должен был быть изгнан из подобного описания Логоса, если мы строили гипотезу того, как должен работать этот вселенский Разум в чистом виде. Психологизм, можно сказать, пачкал следами живого все чистые построения философов. Он лишал их знаки однозначной точности, какой удается достичь в математике.

Внимание, будь оно знаком внимания, исчезало бы сразу, как только мы переключили восприятие, на которое оно направлено. А оно не исчезает! Мы умудряемся его заметить. Очевидно, что оно не знак, а вещь или даже вещество!

Последнее вовсе не обязательно. Но внимание явно ведет себя как свойство чего-то вполне вещественного. К примеру, как боль. Мы ведь тоже считаем, что она есть и что мы ее наблюдаем в себе. Хотя при этом есть вещество тела и есть его состояние, которое мы описываем словом «болит». И длится не боль, длится состояние тела, которое называется этим словом.

С вниманием происходит нечто подобное. И это значит, что оно либо некая очень тонкая среда, подобная сознанию, либо свойство подобной тонковещественной среды. Если вообще не

какого-то органа вроде того же самого Логоса или хотя бы Разума, который мы еще не научились созерцать.

Глава 14. Отвлечь внимание

Последний пример из словаря Евгеньевой – «отвлечь внимание противника», – вероятно, говорит именно о внимании. Но он определенно имеет не один смысловой слой.

Во-первых, вызывает большое сомнение, что мы умеем оказывать на внимание подобное воздействие. Честно говоря, я совершенно не представляю, как можно отвлечь внимание и что для этого надо сделать. Просто попробуйте прямо сейчас отвлечь свое внимание – и вы тут же почувствуете всю абсурдность подобного предложения.

Следовательно, и это во-вторых, речь идет вовсе не об отвлечении внимания, а о его привлечении. И как раз в примере с противником очевидно, что задача именно в том, чтобы привлечь внимание противника к чему-то иному, тем самым уводя его от себя. Вот привлечь внимание мы можем.

Если речь в примере идет о разведчике, которому надо снять часового, то он может, допустим, бросить камушек таким образом, чтобы взгляд, а значит, и все восприятие часового направилось вслед за ним куда-то в удобном для разведчика направлении. В итоге он оказывается вне поля восприятия часового и может к нему подкрасться.

Но на этом примере еще ярче видно, что речь идет вовсе не об отвлечении внимания – внимание часового и не было направлено на разведчика. Иначе он уже давно поднял бы тревогу. Более того, оно вообще не было направлено. Любая узкая направленность внимания часового, в сущности, это привлеченность его к чему-то определенному, а значит, уязвимость. Часовой же, наоборот, должен уметь держать внимание рассеянным, чтобы воспринимать окружающее как можно шире.

Точно так же и внимание противника в рукопашном поединке в принципе не должно быть привязано к чему-то определенному, от чего его можно было бы отвлечь. Как раз наоборот: именно привлечение его к подобным вещам и является действительным отвлечением внимания. Что для этого используется? Угрожающие движения руками, ногами, взгляды, крики. Все, что способно привлечь внимание и тем сузить его – и есть способы «отвлечь внимание» противника.

Пример явно неточен. Можно ли ему доверять?

Мое языковое чутье говорит, что это правильное выражение. Значит, на слух русского человека высказывание верное, из чего следует, что оно описывает какую-то действительность внимания. Какую?

Для начала попробуем разобраться, действительно ли здесь речь о внимании?

Вот когда мы говорим о том, чтобы просто привлечь внимание какого-то человека, и для этого прыгаем, машем руками, кричим, мы действительно совершаем именно те действия, которые притягивают непроизвольное внимание. Зачем – не в бытовом смысле, а в психологическом? Понятно, что благодаря этому человек на нас поглядит. Если мы знакомы, то он узнает меня, и мы с ним встретимся или увидимся, если встретиться невозможно.

А если это совершенно незнакомый человек? К примеру, девочки-фанатки изо всех сил стараются привлечь внимание своего кумира. И иногда им это удается. И что дальше? Узнать он их не может. Запомнить – тоже. Что происходит в его сознании?

Думаю, то же самое, что и в сознании знакомого человека. Будучи привлечен неожиданным движением или звуком, человек обращает взор на их источник и видит нечто движущееся. То, что движется, может быть опасным. Поэтому разум мгновенно проводит распознавание: опасно – не опасно. Если он узнает человека без оружия и без признаков желания напасть, он исследует его на предмет полезности. В эту категорию входят и знакомые.

Они условно полезны в отличие от всех прочих людей. Более того, именно знакомые бывают полезны. И если ты хочешь что-то получить от человека, его надо сделать знакомым.

Поэтому распознав человека, разум принимается перебирать образы из прошлого. Обычно это происходит так быстро, что мы этого даже не замечаем. Просто вдруг узнаем человека и все!

Но бывают случаи, когда к вам обращается человек, чье лицо вы не помните. Вот тогда вы можете заметить, как перебираете образы из памяти. И иногда даже находите нечто, что позволяет вам посчитать, что вы с этим человеком знакомы, только забыли, кто он. В итоге вы ему дружески улыбаетесь и даже пытаетесь пожать руку, с удивлением наблюдая, как он все с той же улыбкой проходит мимо вас к совсем другому человеку.

Где в этой большой работе внимание? И участвует ли оно в ней?

Безусловно, причем постоянно. Вот только на человека оно направляется вспышками. Вначале – когда он привлек внимание, затем – когда вы сравниваете каждый извлеченный из памяти образ с обликом человека. И если быть наблюдательным, можно рассмотреть: внимание буквально пульсирует, когда вы действительно пытаетесь узнать человека.

После этого, когда началось общение, внимание вполне может отвлечься. Но пока разум решает задачу узнавания, все ваше внимание здесь, распределенное между человеком перед вами и образами из памяти в глубине вашего сознания.

Что делает боец во время схватки?

В каком-то смысле то же самое. Только он пытается узнать не человека, а то, что тот задумал, его приемы и действия, – и точно так же постоянно сличает их с образами из своей памяти. И пока он это делает, у него есть шанс вовремя распознать атакующее действие и защититься. Вот поэтому его внимание надо отвлекать.

Отвлечь от той работы, что оно проделывает, сличая образы восприятия с образами из памяти, то есть с узнаваниями. И если это удастся хоть на мгновение, в это мгновение можно проскользнуть и нанести удар или сделать бросок. Но для этого внимание противника следует увести от того, чем оно занято.

Конечно, внимание можно привлечь к чему-то внешнему. Но это очень трудно исполнить в бою. Вы слишком заняты противником, чтобы управлять чем-то внешним. Поэтому бойцы придумывают гораздо более изощренные способы управления вниманием противника.

Его надо даже не отвлекать, а загрузить какой-то сложной работой. Например, сделать нечто такое, что он не распознает как определенный прием, – чтобы он посчитал, что сейчас ты применишь нечто необычное. Вот тогда он какое-то время будет гадать о том, что ты задумал. И это лучший способ отвлекать внимание противника от того, что вы действительно собираетесь сделать.

Той же цели служит последовательность обманных движений, каждое из которых призвано лишь спрятать действительно готовящийся прием. Пока противник занят их распознаванием, его можно подловить.

Но вот беда: он в это время либо гадает, либо занят распознаванием – и это определенно не действия внимания. Это работа разума!

Следовательно, пытаясь отвлечь внимание противника, мы вовсе его не отвлекаем. Мало того, что мы его привлекаем, но мы еще обращаемся к разуму противника и подкидываем ему задачи. А внимание само устремляется вслед за разумом.

Внимание ли это? Определенно, внимание. Вот только пример не имеет к нему никакого отношения. Внимание осталось где-то позади действий, описанных словами «привлечь внимание противника». Оно по-прежнему где-то в тени и само по себе делает то, что от него ожидается, пока мы обращаемся к разуму или мышлению другого человека, управляя ими.

При этом подобные действия, безусловно, имеют итогом изменения в работе и направленности внимания. Значит, мы умеем им управлять. Но вот только делаем мы это через несколько передаточных звеньев. По крайней мере, пока воздействуем на другого человека.

Рождается что-то из разряда «чужая душа – потемки». А чужое внимание – нечто в иной вселенной, недоступное посторонним. Но ведь это не так! Существует целая индустрия раз-

влечений, в которой люди профессионально захватывают наше внимание и удерживают его часами. Значит, возможно видеть и управлять не только своим, но и чужим вниманием!

Почему же у меня все время что-то не сходится? Вероятно, я все еще не полностью осознал свое собственное понятие о внимании. То самое, которое позволяет мне и видеть, и управлять. Но не позволяет себя высказать и выразить в слове. Нужны еще примеры.

Глава 15. Заострить внимание

Примеры, прямо иллюстрирующие определение словаря Евгеньевой, исчерпаны, но есть еще множество дополнительных примеров, которыми в этом словаре поясняются дополнительные смыслы понятия «внимание» и производных от него слов. Поэтому я имею возможность продолжить с их помощью исследование моего собственного понятия внимания.

Вот я беру пример «заострить внимание» и понимаю, что могу его довольно свободно использовать. Это значит, что такое языковое выражение мне как носителю русского языка не только знакомо, но и вполне понимается мною. То, что я понимаю, что такое «заострить внимание», я не просто знаю – я это прямо чую каким-то странным, глубинным чутьем. Само по себе это чутье на смысл понятий заслуживает исследования. Но не сейчас.

Сейчас мне важнее то, что оно дает мне возможность свободно использовать это выражение в речи. И не просто как слова, а как способ управлять другими, заставлять их проделать вполне определенные действия. И при этом мне было бы вовсе не так легко сказать, что же я чую, знаю или понимаю, когда испытываю это чувство.

Каким-то образом я владею верхней частью собственного понятия, а все остальное скрыто в некой глубине, и попытаюсь я сходу дать ему определение (то есть попросту объяснить тем, кого я прошу заострить внимание, что нужно сделать), я, как говорится, «заплаваю», то есть потеряю четкость и ясность понимания и буду с трудом подбирать слова.

По крайней мере, так было бы, если бы меня попросили устно рассказать, что значит «заострить внимание». А что будет, если я то же самое понимание попробую изложить письменно?

Итак, что значит «заострить внимание»? И вообще, относится ли это к вниманию?

Начну с того, что любое, так сказать, умственное действие и даже любое телесное действие требуют внимания. Иначе говоря, внимание есть условие любой человеческой деятельности. Иначе мы либо не сделаем то, что хотели, либо погибнем. Поэтому внимание так или иначе присутствует в любом выражении, упоминающем внимание.

Следовательно, это присутствие внимания можно вынести за скобку как общий знаменатель и не рассматривать. Меня интересует не отблеск внимания в высказывании, использующем его имя, а то, описывает ли это высказывание внимание или же оно лишь использует это имя в ином значении. Но если это так, то почему используется именно это имя, а не какое-то иное. Даже такое опосредованное понимание внимания позволяет его разглядеть.

В данном случае мне кажется, что, предлагая заострить внимание, мы вообще не говорим о внимании. Заостряют внимание или предлагают заострить внимание, когда произносят речь или рассказывают о каком-то сложном произведении. Речь эта может быть и производственным заданием или инструктажем. И приказ заострить внимание сотрудников на чем-то важном отдает начальник тому подчиненному, который будет проводить инструктаж, например: «И заостри их внимание на том, что если заказ не будет получен, премий не будет!» Или: «Заостри внимание на фактах коррупции, которые ни в коем случае нельзя пропускать при проверке».

Складывается впечатление, что то «внимание», которое используется в этих выражениях, весьма подобно оружию, которое надо наточить перед боем. Даже не подозревал, что в моем сознании хранилось именно такое понятие о том, как «острить внимание».

Но остается вопрос: а что именно надо заострить, когда велят «заострить внимание»? Очевидно, что каждый раз перед человеком ставится задача не пропустить какие-то важные вещи или сделать какие-то важные действия. Иначе говоря, он постоянно должен помнить о них и быть готов в нужный миг совершить некое усилие, которое и позволит не пропустить или сделать.

Это усилие – своего рода толчок, без которого ты останешься пассивным наблюдателем, а впоследствии скажешь, как это часто бывает: «А я видел, видел это! Я даже подумал, что надо бы сказать!»

Мы все имеем органы восприятия и видим все, что происходит перед нашими глазами. Это с одной стороны. С другой – мы имеем множество знаний о том, что мы видим и как с этим поступать. Условно говоря, мы имеем множество готовых ответов на самые сложные вопросы. Но стоит только кому-то задать этот вопрос так, чтобы лишить нас уверенности в том, какой именно ответ правильный, как мы становимся нерешительными.

Во время проведения занятий по прикладной психологии мне довольно часто приходится задавать подобные вопросы слушателям, например: «Вот знакомое вам всем явление. Скажите, а что оно значит в действительности?» Сначала люди замирают в нерешительности. Очевидно, не хотят рисковать, когда можно выказаться дураком. Затем начинают делать предположения. В общем-то, тоже нерешительно.

А вот когда слышат правильный ответ, обязательно кто-то подпрыгивает и заявляет: «Я знал! Я так и думал! Я хотел сказать! Эх, надо было сказать!...»

Что же помешало? Та самая нерешительность? А что это такое? На верхнем уровне за ней могут стоять множественные причины, тянущиеся из культуры и личной истории человека, – что-то вроде житейской мудрости, вколотенной в сознание: не высывайся! молчи, за умного сойдешь!

Но на уровне глубинном, где и прячется внимание, человеку не хватило не решительности, а некой силы, что толкнула бы его в ту пропасть, перед которой он стоит, колеблясь, высказывать ли свои мысли и начинать ли действовать.

Когда я требую от кого-то заострить внимание на определенных условиях, это условия задачи, которую он должен будет решить. И условия эти предполагают некое действие, которое необходимо сделать, если условие будет выполнено или узнано как совпадающее с заданным.

Вся бригада проверяющих, естественно, и так знает, что факты коррупции надо выявлять. Но кроме них в их непосредственные задачи входит множество других вещей. И пока они ими занимаются, а это работа большая и утомительная, какие-то мелочи, указывающие на коррупцию, могут быть пропущены.

Естественно, живой человек с работающим восприятием их увидит. Но не придаст значения и не назовет, не даст то имя, которое могло бы включить определенную программу действий. Этот фактик будет как-то помниться и долго мучить человека, как мучают следователя замеченные, но неосознанные детали. Он что-то увидел – и его восприятие не подвело. Но не может это использовать, не может начать действовать, пока не поймет, что же это было, что оно значило и как соотносилось со всей остальной картиной преступления.

Чтобы исключить такие болезненные состояния, начальник и дает приказ заострить внимание на чем-то определенном. Что происходит теперь в сознании подчиненных?

Теперь среди множества вещей, которые они обязаны искать и как-то обрабатывать, одна или несколько имеют особое значение. Они выделены и снабжены «программой», то есть особым образом действия, который включается не после череды умозаключений, а непосредственно после узнавания.

Следовательно, «заострение внимания» – это некая установка, которая создает особый образ действия, включающийся при узнавании того, на чем заостряется внимание. И снабжение этого образа дополнительной силой, которая позволяет преодолеть сомнения, колебания и нерешительность, проистекающие от неуверенности в себе, в том, что все узнал и понял правильно.

Человек с «заостренным вниманием» будет действовать как энкавэдэшник во время войны – при малейшем подозрении он не будет сомневаться, а сходу арестует. И будет раз-

бираться в своих сомнениях потом, в удобных для него условиях, где точно отсутствует риск совершить ошибку и упустить врага. Для него «перебдеть» простительнее, чем «недобдеть».

И где же тут внимание?

Очень похоже, что внимание, до этого рассеянно плававшее по сознанию, включается тем узнаванием, которое происходит при встрече с искомым. Как только сознание отметило: вот то, о чем говорилось, – оно взрывается, сонливость и рассеянность разлетаются осколками и в рабочее пространство сознания врывается внимание.

А с ним приходит полная и даже предельная работа разума, который теперь исследует то, что принесло восприятие, как задачу, требующую решения. Разум сам узнал, что перед ним как раз тот случай, который был оговорен. Но именно внимание включает способность разума бодрствовать и работать на полную силу.

И пока оно будет присутствовать, работа разума будет идти именно так. Но стоит только разуму почувствовать, что поклевка была ложной, как он – даже продолжая исследование, чтобы ничего не упустить, – заскучает. И внимание тут же начнет утекать из этой задачи, перебегая вместе с разумом в другие, которые становятся для него важнее...

С одной стороны, очевидно, что внимание сопутствует разуму и течет всегда в наиболее важном для разума направлении. Но ведь внимание самостоятельно не может определить, что важно, а что не важно для разума. Поэтому на деле это значит, что оно просто перетекает в те задачи, которыми разум занят непосредственно в данный миг.

Похоже, что внимание лишь некое свойство или качество разума, но, пожалуй, правильнее будет считать его свойством или качеством той среды, которая является телом разума. Иначе разум окажется слишком уж сложной вещью, которую невозможно исследовать.

Заключение

Конечно же, я не исследовал все возможные примеры употребления понятия «внимание» в русском языке. Наш язык слишком богат. Даже в словаре Евгеньевой остается еще немало примеров в статьях «внимательность», «внимательный» и «внимать». Еще больше их во втором из семнадцати томов изданного в 1951 году «Словаря современного русского литературного языка». О более поздних изданиях этого словаря, именуемого в просторечье Большим академическим, я даже не говорю.

Однако после того как я поднял несколько слоев собственного понятия, само приведенное в словаре определение вызывает большие сомнения:

«Внимание. 1. Сосредоточенность, напряженность мысли, зрения, слуха в направлении какого-либо внутреннего процесса или внешнего впечатления...»

Сейчас подобные определения меня с очевидностью не удовлетворяют, и остается лишь успокаивать себя тем, что настоящий ответ языковеды и не могли дать. Для этого им надо было быть психологами, поскольку, судя по всему, больше никто вниманием не занимался.

Кстати, должен отметить: обычно языковеды интересуются многими психологическими понятиями и разбирают их в особых работах – помимо словарей. Особенно много было сделано после выхода работ академика Апресяна, который, еще в пятидесятых годах прошлого века увлекшись теорией машинного перевода, попытался создать словарь, понятный и машине. Для этого он создал, по его определению, «интегральное описание языка», в который входила и «наивная картина человека».

Это было, по правде сказать, безобразной попыткой исходя из языка описать то, как русский народ, точнее человек, представляет сам себя. Русскому языковеду, если вдуматься, полагається не только знать русский язык, но и использовать его. Причем использовать так, чтобы всем хотелось приобщиться к его красоте и величию. Однако языковеды наши преданы делу естественной науки и потому изъясняются о языке исключительно на так называемом «простонаучье», то бишь наполовину на англо-латыни, наполовину на нижегородском...

Апресян к тому же изъяснялся на языке машинном. Поэтому дите родилось ужасным, как порождение хтонического бога и богини ночи... Но, как ни странно, плодовитым, поскольку от этого брака появилось целое поколение филологов, которые писали о «наивной картине человека» и народных представлениях о том, из чего состоит русский человек.

Многие из их статей, несмотря на ужасающий язык, действительно глубоки и, что еще важнее, необходимы. В них действительно описано то, что должно было быть описано и изучено. Очевидно, что ребенок Апресяна только личиком был черен, но в душе добр и нежен, как арап, которого полюбила Дездемона.

Тем не менее ни в одном из доступных мне сочинений наших языковедов, описывающих внутренний мир человека, я не нашел ни единого упоминания внимания. Каким-то образом именно оно выпадает из числа изучаемых явлений нашего духовного мира...

Кстати, насколько я могу судить, это же относится и к философам. Внимание не их предмет. Очевидно, оно недостаточно философично. И если философские словари и содержат посвященную вниманию статью, они всегда ссылаются на психологов. Как и Большой академический словарь, который в числе примеров к определению внимания умудрился поместить вот такой аппендикс:

«Психол. Нервнопсихический процесс, сосредотачивающий умственную деятельность человека в каком-либо определенном направлении. Процесс внимания».

Потрясающая самоуверенность и ни тени сомнений! 1951-й год! Год, следующий за знаменитой «Павловской сессией» Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР,

во время которой психологам было указано на их место у ног физиологии. Указано под страхом закрытия психологии вообще!

После этого ничто в психологии не могло быть не связанным с областью нервов. Никто до этой сессии и никто после нее не доказал связи внимания с нервной системой, но никто в этом и не усомнился...

Я не вывел определения внимания, а лишь разворошил с помощью лингвистов мое собственное понятие о нем. Теперь самое время обратиться к тем, кто считается профессионалами в этом вопросе, – к психологам. Однако психология рождается в рамках философии. И не учитывать, что в основаниях рассуждений наших психологов лежат давно забытые находки философов, недопустимо.

Следовательно, идти к психологии нужно через философию, даже если внимание и не считается философским предметом. А это значит, что философы не занимаются собственно вниманием, даже когда используют это понятие.

В силу этого в следующем разделе я еще не начну собственное исследование внимания, а продолжу все тот же разбор понятия о внимании, хранящегося в следующем культурно-историческом слое нашего сознания.

¹ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

Часть вторая. Философия внимания

Философы, по крайней мере, русские, не считали внимание своим предметом. Во всяком случае, оно не упоминается в тех зародышевых словарях, что были составлены в восемнадцатом и начале девятнадцатого века Кантемиром, Тепловым, Тредиаковским и Александром Галичем. «Лексикон философских предметов» Галича, к сожалению, был доведен как раз до «вкуса», после которого и могло последовать «внимание».

Также мне незнакомы работы русских философов девятнадцатого и двадцатого века, посвященные вниманию. Есть лишь отдельные куски, которые можно хоть как-то отнести к собственно философствованию о внимании. В остальном наши философы, как, впрочем, и европейцы, используют «внимание» совершенно по-бытовому.

Как, к примеру, Декарт начинает «Размышления о первой философии...» сразу вслед за начальными реверансами: «Итак, я принял во внимание...».

В 1901 году вышла вторая книга Тимофея Петровича Соловьева, которого называли «русским Дарвином», – «Внимание как органическая сила. Опыт биологической теории внимания». Старший ревизор департамента железнодорожной отчетности государственного контроля предпослал собственному исследованию подробнейший очерк источников.

В него не попал ни один русский философ. Складывается впечатление, что до Соловьева о внимании в России писал лишь психолог Николай Ланге...

Тем не менее, истоки психологии лежат в философии, а истоки русской философии ведут в философию европейскую.

Глава 1. Старые философские словари

Первое упоминание внимания, как попытка создать словарную статью, было сделано Сильвестром Гогоцким в «Философском словаре» 1876 года:

«Внимание есть сосредоточение нашего сознания на одном предмете с устранением от всех прочих. См. рефлексия».

Совершенно очевидно, что это первая попытка осмыслить сложное явление и Гогоцкий в этом не самостоятелен. Он сам указывает источник своей мысли в статье, посвященной рефлексии:

«Рефлексия (reflexio – загибание, размышление). Способность нашей душевной сознательной жизни к самосознанию, к обращению своего внимания на себя, к рассмотрению своих собственных отправления и произведений, например, понятий, представлений и т. д.

Локк считал ощущение и рефлексия первоначальными источниками наших идей или вообще представлений».

Константин Дмитриевич Кавелин в «Задачах психологии» 1872 года тоже говорит о том, что Локк внес огромный вклад в создание современной психологии. И надо отметить, Локк действительно использует в своих трудах понятие внимания как рабочее орудие. Однако последующие философы, рассуждая о тех же самых предметах, обходятся без «внимания».

Поэтому я, конечно же, посвящу Локку несколько страниц. Что же касается Гогоцкого, то, думаю, не ошибусь, если посчитаю, что его попытка ввести внимание в число философских понятий была столь же непризнанной, как и попытка Локка.

Что же касается определения Гогоцкого, то внимание им понимается как сосредоточение сознания. Очевидно, что такое определение не будет рабочим, если не определить, что такое сознание. Сознание же у Гогоцкого определяется смутно:

«Сознание есть собственно отчетливое разграничение того, что происходит вне и внутри нас в нашем представлении и как бы отделение и противопоставление всего, силою представления, нашему сознающему началу: оно подобно свету, открывающему, озаряющему и себя, и вещи...»

Можно ли сосредоточивать то, что определено Гогоцким как сознание? Лично у меня складывается ощущение, что, определяя внимание, он исходил из совсем иного понятия о сознании, чем при попытке собственно определения сознания. Думаю, что «сосредоточение сознания» для него было бытовым понятием. А значит, вовсе не было введено в научный оборот того времени.

После Гогоцкого вниманию посвящает статью Владимир Соловьев. Думаю, он делает это потому, что словарь, для которого он написал серию статей, был не философским, а энциклопедическим. Поэтому философ Соловьев рискнул взяться не за философское дело и в данном случае явно говорит от лица психологии. На рубеже двадцатого века он написал целую серию статей для словаря Брокгауза и Эфрона, благодаря чему родилось рассуждение о внимании, которое я приведу целиком:

«Внимание. С некоторыми из входящих в сознание явлений сознающий субъект связывается особым актом, которым эти явления выделяются из остального содержания сознания. Этот акт, называемый вниманием, обуславливается частью извне, объективными свойствами самого явления (яркость, интенсивность, внезапность), частью же изнутри субъективным интересом, связывающим нашу волю и чувство с тем или другим явлением или идеей преимущественно перед прочими.

В первом случае говорится, что внимание невольно обращается на данный предмет (внимание произвольное). Большая способность к произвольному вниманию – или сосредото-

нию духовных сил на одном предмете – составляет необходимое условие всякой значительной деятельности, что дало повод Бюффону видеть даже в гении лишь сильную степень внимания.

Будучи зараз и волевым, и умственным актом, внимание (произвольное) теснейшим образом связывает теоретическую и практическую области нашего духа и актуально выражает его единство».

Итак, внимание – это для Соловьева, с одной стороны, сосредоточение духовных сил, с другой – явление сознания. Вполне естественно, что Соловьев не дает определения «духовных сил», которые можно было бы сосредоточить при внимании.

Он, вообще, как бы размазан от Гегеля до психологии сознания. Упоминание им французского натуралиста восемнадцатого века Жоржа Бюффона (1707–1788) также показательно. Соловьев, видимо, рассуждает в этом случае, не имея опоры в собственно философских трудах. Эта статья, думаю, мне, родилась у него случайно, и он еще не смог определиться в используемых понятиях.

Поэтому поднятый им предмет очень быстро исчезает из числа философских, и даже чрезвычайно уважавший его Эрнест Радлов, посвятивший Соловьеву большую статью в своем словаре 1913 года, не включает внимание в число философских понятий того же словаря.

Однако выражение «сосредоточение духовных сил» заставляет задуматься о чем-то превосходящем биологию...

Как бы там ни было, необходимо отметить, что русские философы дореволюционной поры чувствовали, что за вниманием скрывается нечто важное для философии, и пытались ввести его в число именно философских понятий. Отсюда обращение Гогоцкого к Локку и попытка говорить о внимании самостоятельно у Соловьева. Не будь развитие нашей философии прервано, быть может, внимание и было бы осмыслено философски.

Однако в новом мире философия была не в чести. На смену ей пришел диалектический материализм, который излишнее философствование не поощрял, а ответы требовал искать в веществе и телесности.

Глава 2. Внимание советской философии

Собственно говоря, вниманию, насколько я знаю, была посвящена в советское время только одна словарная статья. Это была статья Лидии Леонтьевны Гуровой в «Философской энциклопедии» за 1960 год. Она достаточно показательна, чтобы привести ее по возможности подробно.

«Внимание – избирательно-активное состояние психической деятельности, являющееся предпосылкой наилучшего отражения действительности. Физиологической основой внимания является возникновение в коре головного мозга очага оптимальной возбудимости, вызывающее по закону отрицательной индукции более или менее глубокое торможение окружающих участков.

Соотношение нервных процессов в коре, определяющее степень и направленность внимания, устанавливается в зависимости от характера действующих раздражителей, содержания выполняемой деятельности и постоянно меняется. Внимание привлекается всяким непривычным изменением внешней обстановки, появлением новых раздражителей, что вызывает со стороны организма ориентировочный или исследовательский рефлекс.

У человека развились сложные условнорефлекторные формы ориентировочно-исследовательской деятельности, отвечающие общественному характеру жизненных условий. Как в одном, так и в другом случае внимание человека привлекается прежде всего предметами, приобретшими в ходе жизни определенное значение и связанными с потребностями и задачами деятельности...»

Далее статья медленно сползает к цитате из Маркса, в которой он говорит о «целесообразной воле, выражающейся во внимании», что является условием общественной трудовой деятельности...

Всю эту часть я опускаю, но перечислю труды тех мыслителей, на которых опирается Гурова: Б. Ананьев, П. Гальперин, Ф. Гонаболин, Н. Добрынин... Рибо, Титченер...

Сама Гурова – психолог и весь список источников состоит из психологов.

Философия советской поры не имела собственно философского понимания внимания и вряд ли вообще считала его своим предметом.

Что же касается определения Гуровой, ему надо отдать должное: это отточенное, можно сказать, чеканное произведение идеологизированной научной мысли. Внимание – избирательно-активное состояние психической деятельности, являющееся предпосылкой наилучшего отражения действительности.

Просто попробуйте на основании этого хоть что-нибудь сделать! Но как философично: все выводится из ленинской теории отражения, а значит, из самой сердцевины диамата!

Ну, и объяснение механики, которое стоит запомнить хотя бы затем, чтобы сравнить с современными представлениями:

«Физиологической основой внимания является возникновение в коре головного мозга очага оптимальной возбудимости, вызывающее по закону отрицательной индукции более или менее глубокое торможение окружающих участков».

Я не знаю, как современные физиологи пытаются объяснить внимание, но, думаю, их взгляды стоит сравнить с этим определением. Поскольку я пока исследую не собственно внимание, а современные понятия о нем, позволю себе просто привести выдержку из высказывания, сделанного каким-то анонимным «психологом» на одном из действующих психологических форумов:

«Вернемся к физиологии. Вы помните, что за каждый вид памяти отвечает определенная область мозга. Последние экспериментальные исследования показали, что внимание также

контролируется особым отделом мозга. Это лобные доли, в которых были обнаружены специальные клетки, реагирующие на все новое и необычное. Они получили название „нейроны внимания“. Они не сосредоточены в одном каком-то месте, а располагаются по всей площади коры головного мозга, а также и во внутренних структурах. Кроме того, нейрофизиологи обнаружили в мозге скопления нервных клеток и волокон, которые распространяются по всем направлениям, переплетаясь друг с другом. Это похоже на своеобразную сильно разветвленную дорожную инфраструктуру, доставляющую информацию ко всем отделам мозга. Кроме того, именно эта сеть служит для соединения органов чувств с участками коры головного мозга.

В стволовой части мозга тоже существует свое скопление нервных клеток, которое носит название „ретикулярная формация“. Когда на органы чувств воздействует какой-то внезапный или необычный раздражитель, именно в стволовых клетках появляются нервные импульсы, возбуждающие кору. Так запускается механизм активного внимания, которое связано с активной деятельностью мозга и включается в работу только тогда, когда человек бодрствует».

Звучит столь же убедительно, как и физиологическое объяснение из далеких пятидесятих прошлого века. Физиология вообще чрезвычайно убедительна, поскольку кто же в состоянии повторить подобные исследования? Разве что другой физиолог!

Поэтому и те, кто встают на защиту подобных утверждений, как и этот «психолог», изначально встают на сильную сторону. Можно даже не приводить точных ссылок на источники и не допускать читателей до обсуждения самих экспериментов и их методик. Все равно это не вопрос для устного обсуждения, поэтому спорь-не спорь, ближе к истине не станешь.

Убедительность – это сильное оружие, когда цель – доказать свою правоту. К сожалению, убедительность не имеет никакого отношения к истине. Как и тот, кто использует физиологию в качестве убедительного довода в философии.

Глава 3. Внимание новой русской философии

То, что внимание не было предметом советской психологии, видно хотя бы потому, что это понятие не вошло в «Новую философскую энциклопедию». Правда, оно появилось в паре новых философских словарей. Было ли это попыткой разработать русскую философию внимания?

Первым поместил статью о внимании «Философский энциклопедический словарь» под редакцией Губского в 1997 году.

«Внимание – направленность и сосредоточенность психической деятельности на определенном объекте или действии.

Круг проблем изучения внимания выделился в результате дифференциации более широкого философского понятия апперцепции (Лейбниц, Кант, Гербарт).

В современной психологии выделяют три вида внимания: произвольное – привлекается предметом или явлением без сознательного намерения человека и сохраняется без всяких усилий; непроизвольное – возникает в результате сознательного намерения, и сохранение его требует значительных усилий (свойственно только человеку); постпроизвольное – сохраняется соответствие направленности деятельности сознательно принятым целям, но ее выполнение не требует специальных умственных усилий...»

Далее – изобилие хороших слов о психологах прошлого и современной психологии, где изучение внимания обрело, на взгляд философа, огромное значение в связи с созданием сложных технологических систем...

Судя по небрежности, с которой написана эта статья, автор сам вниманием не занимался. Иначе он не перепутал бы произвольное и непроизвольное внимание. Да и постпроизвольное, думаю мне, просто не стал бы поминать в виду его яркой непонятности.

В общем, определение в этом философском словаре в основной своей части явно заимствовано из какого-то учебника психологии. Однако, если говорить о возможности собственно философии внимания, в нем все же выложен один кирпичик этого здания – это историческая справка: «...круг проблем изучения внимания выделился в результате дифференциации более широкого философского понятия апперцепции (Лейбниц, Кант, Гербарт)».

Очень жаль, что философский словарь лишь помянул этих авторов, а не рассказал, что именно думали философы о внимании. Однако теперь понятно, что истоки философии внимания надо искать в философской теории апперцепции.

Вторая из найденных мною статей о внимании была написана Т. Самушиком в 2001 году для «Всемирной энциклопедии Философия» под редакцией А. Грицанова:

«Внимание – сосредоточенность познавательной и практической деятельности субъекта в данный момент времени на определенном объекте или действии.

Физиологической основой внимания является возникновение в коре головного мозга очага оптимальной возбудимости, вызывающее более или менее глубокое торможение окружающих участков.

По активности субъекта в организации внимания различают три вида внимания: непроизвольное, произвольное и постпроизвольное...».

И далее наш философ уверенно переплывает из физиологии в психологию, не давая ни одной возможности зародиться подозрению, что в философской энциклопедии мог родиться философский разговор о внимании.

Кстати, статья того же автора помещена в «Новейшем философском словаре» 2003 года издания под редакцией того же Грицанова, где она повторяется слово в слово. Очевидно, изготовление словарей – неплохой бизнес...

Писал ли кто-то еще, кроме Гуровой и Самушик, о внимании в философских словарях, я не знаю. Поиск новых словарей через Интернет дает отсылки к этим источникам. Они же пересылают дальше в физиологию и психологию.

Похоже, никакой философии внимания в современной России нет. Но это не важно. Гораздо важнее, возможна ли она?

Читая философские словари, я прихожу к убеждению, что эта тема была закрыта и передана философами в психологию еще в девятнадцатом веке. И я ищу не там, где полагается. Лично мне, правду сказать, кажется, что я ищу в нужном месте, но словари советуют искать внимание «под фонарем» психологии, поскольку там, как кажется, светлее...

Вот вопрос: искать ли там, где легче, поскольку там ищут все, или искать философию внимания?

Глава 4. Английская философия. Милль

Занимались ли философы вниманием? В 1995 году авторы основной русской книги, посвященной вниманию, Ю.Дормашов и В.Романов писали со ссылкой на иностранные источники:

«Историки психологии считают, что задача описания явлений внимания к концу 17 века была решена в основном, а в 18 столетии детально и полностью. При этом они ссылаются на философские труды Августина, Фомы Аквинского, Ш. Бонне, Х. Вольфа, Р. Декарта, И. Канта, Г. Лейбница, Н. Мальбранша, Э. Платнера и других философов, врачей и натуралистов» (Дормашов, с.11).

В действительности, как покажут эти авторы далее, воз и ныне там, а внимание остается проблемой, и это очевидно, исходя из того, что сами они больше этих философов не помнят. Лишь изредка приводят любопытные цитатки. Скажу от себя: может быть, иностранные историки психологии и историю знают лучше, и внимание понимают глубже, но если в работах Декарта или Лейбница нет прямого упоминания внимания, то выискать у него внимание можно только в том случае, если ты «так его понимаешь»!

Иными словами, для того чтобы обнаружить внимание у философа, который не поминает внимание, нужно искать не по имени, а по понятию. Что значит, это понятие должно быть у тебя самого. И до того, как ты взялся за чтение философа! Чтобы было чем узнавать в его текстах, что речь идет именно о внимании. И что самое удивительное, твое понятие должно совпасть с понятием того, кого ты читаешь. Иначе ты припишешь свое понятие чему угодно!

Но и это не все сложности: твое исходное понятие внимания должно быть столь хорошо, чтобы безошибочно включать в себя понятия о внимании столь разных мыслителей, как Августин, Фома, Декарт, Лейбниц и Кант! А уж эти парни очень старались не быть похожими ни на кого другого!

К тому же, к примеру, Декарт или Лейбниц время от времени используют слово «внимание» в совершенно бытовом смысле, что значит, что в тех местах, где какие-то сообразительные мальчики усмотрели у них теорию внимания, философы используют совсем иное понятие, которое, к тому же сами вниманием не называют! В таком случае необходимо хотя бы указать те места, которые, на твой взгляд, относятся к вниманию.

Потрясающая глубина владения предметом выказана тем, кто написал эту победную репликацию об изучении внимания! И понятно, почему сами Дормашев и Романов избегают ссылаться на философов: чтобы позволить себе такое, необходимо сначала вывести понятие внимания, а потом применить его при чтении работ тех предшественников, которые внимание напрямую не поминают.

Тем не менее они привели список тех философов, кто исторически может считаться предшественниками современной науки о внимании. Т. Соловьев в 1901 году приводит другой список:

«Главными представителями психологической феноменальной теории внимания являются Кант, Гербарт, Джемс Милль и Карпентер» (Соловьев, с.13).

При этом в обоих списках почему-то опущен Локк, как если бы он ничего не говорил о внимании. Поэтому я выберу для рассказа о философии тех, в ком я точно уверен, и пойду от современности в глубь истории.

Итак, Милль, Кант, Локк. А затем Плотин и античная философия. Очевидно, что я многих пропущу, но в данном случае я и не ставлю перед собой задачу создать полный очерк истории философии внимания. Я лишь хочу показать, что она была и возможна.

Джеймс Милль (1773–1836), английский мыслитель, более известный тем, что был отцом и воспитателем Джона Стюарта Милля. Продолжатель Дэвида Юма. Оказал огромное влия-

ние на всю английскую ассоциативную психологию, в частности на Александра Бэна, немало писавшего о внимании в рамках ассоциативной психологии. Поэтому можно считать, что в его лице европейская философия внимания переходит в психологию.

Сам он, однако, если верить первой строке его книги, нисколько не сомневался, что занимается, как и его учитель Юм, «философским исследованием человеческого ума», что вполне укладывалось в русло того философствования, что было задано Локковским «Опытом о человеческом разумении».

На русский, кажется, не переводился. Поэтому тот труд, в котором было заложено понятие внимания, легшее в основу ассоционизма, «Analysis of the phenomena of the human mind» («Анализ феномена человеческого ума»), написанный в 1829 году, я буду переводить как можно полней. В моем распоряжении издание 1869 года.

Милль пишет о внимании во втором томе, в главе XXIV, посвященной воле. Именно такое понимание внимания как волевого процесса и сохранится в английской психологии в будущем, а через нее войдет в мировую культуру.

Прежде всего, надо оговорить несколько терминов, которые использует Милль. Само понятие mind, которое я перевожу как «ум», настолько неопределенно в психологии, что и одно оно может свести с ума. Милль начинает разговор о внимании с такого высказывания:

«Другой процесс, сквозь который ум предположительно может оказывать влияние на свои цепи, это Внимание» (Милль, т. 2, с. 362).

Эти странные «цепи ума», в действительности, пример вольного обращения с терминами. Чтобы его понять, стоит прочесть самое начало второго тома, где Милль делает краткое обобщение того, что говорилось в первом:

«Мы видели, что в том, что мы называем миром ума (mental world), Сознанием, имеются три великих класса феноменов, наиболее знакомые из всех фактов, с которыми мы познакомились, – ощущения, идеи и цепи идей (train of ideas)» (там же, с.1).

Цепи ума – это и есть цепи идей, или идеи, сцепленные в жесткие связки, являющиеся сутью ассоциаций. Таким образом, ум приравнивается Миллем и к сознанию, и к «ментальному миру», то есть к содержанию того же самого сознания, как бы назвал это я. Очевидно, что такое использование понятия «ум» возможно, но как весьма приблизительное и необходимое для того, чтобы однажды быть уточненным.

Но надо полагать, Милль просто заимствует его у Юма, Рида, Беркли и Локка как некую культуру, сложившуюся к началу девятнадцатого века.

Соответственно, там же, у Локка, заимствованы им и понятия «ощущение» и «идея». Во всяком случае, вся книга начинается с главы, посвященной ощущению (Sensation), которой предпослана в виде эпиграфа довольно большая выдержка из «Опыта о человеческом разумении» Локка, а именно, кусок из параграфа 2, посвященного цели сочинения. Как это место звучит в нашем академическом переводе А. Савина:

«Так как моей целью является исследование происхождения, достоверности и объема человеческого познания вместе с основаниями и степенями веры, мнений и согласия, то я не буду теперь заниматься физическим изучением души. Я не буду вдаваться в исследования о том, в чем ее сущность, вследствие каких движений души и перемен в нашем теле мы получаем любые ощущения через свои органы чувств или идеи в своем разуме, зависят ли при своем образовании некоторые или все эти идеи от материи или не зависят» (Локк, 1,1,2).

Те наши философы, которые изучали Локка по этому переводу, вряд ли бы узнали используемые им понятия, доведись им заглянуть в оригинал. Дело в том, что Локк не говорит о душе, уверенно используя понятие «ум». И это еще одно подтверждение того, насколько непросты те «простые» понятия, которыми пользуется Милль:

«I shall not at present meddle with physical consideration of the mind, or trouble myself to examine wherein its essence...» (Locke, 1,1,2).

Я понимаю, что в нашей философии сложилась традиция перевода определенных иностранных понятий так, как это наиболее удобно для понимания. Но сложилась она в девятнадцатом веке и, думается мне, изрядно устарела. И не потому, что современный философ уже не верит в душу, с которой распрощался вместе с психологией, когда та выделялась в самостоятельную науку. А потому, что большинство психологических понятий девятнадцатого века исходно были неточны и очень плохо описывали действительность внутреннего мира человека.

Однако, как бы там ни было, именно в этих строках Локк, как вы видели, использует понятия Ум, Ощущение, и Идеи. В переводе Савина это звучит так: «...вследствие каких движений души и перемен в нашем теле мы получаем любые ощущения через свои органы чувств или идеи в своем разуме».

Напомню, что словом «разум» в данном случае переведено английское *understanding* – «понимание», которое, кстати, стоит и в названии локковского «Опыта о человеческом понимании». Не буду оспаривать перевод Савина – думаю, он вполне уместен. Но поскольку мне нужно разобраться с очень узкими понятиями Милля, я вынужден использовать именно те понятия, которые их порождают.

Поэтому дословный перевод приведенной выдержки: «...благодаря каким движениям наших духов или изменениями наших тел мы приходим к тому, чтобы иметь любые Ощущения через наши органы или любые Идеи в нашем понимании».

Я даже не попытаюсь сейчас вдаваться в то, что Локк понимал под «ду́хами» (*mind spirits*). Скажу только, что его Опыт предоставляет немало оснований считать, что для него это было вполне действенное понятие, каким-то образом связанное с существованием врожденных идей или с их отсутствием.

Пока мне достаточно того, что Савину, безусловно, было проще совместить английский «ум» с английскими же «ду́хами» в одном русском слове «душа».

Что же касается Милля, то он начинает разговор об ощущениях прямо с цитаты из Локка и заявляет, что Ощущения – это определенный класс чувств (*feelings*), что и позволяет их отличать от других состояний ума.

«Что мы обычно подразумеваем, когда используем термины Ощущение или феномен Ощущения, это чувства, которые мы имеем через пять органов чувств (*senses*) – обоняние, вкус, слух, осязание и зрение. Это чувства из которых мы производим наши понятия о том, что мы называем внешним миром» (Милль, т.1., с.3).

Милль отчетливо разделяет чувства и органы чувств, тем самым давая понять, что ощущения – это некая следующая ступень за работой органов чувств, которые доставляют материал восприятия. Или же следующая среда, где из этого материала, то есть из впечатлений, если говорить своим языком, рождается нечто большее, и, самое главное, доступное обработке ума или разума, творящих понятия.

Тем не менее ощущения для него чрезвычайно жестко связаны с тем, что воспринимается с их помощью. Поэтому глава, посвященная определению Идеи начинается им с утверждения, что «ощущения, которые мы имеем через посредство органов восприятия, существуют, только пока присутствует объект, вызвавший их, и исчезают с его отсутствием» (там же, с. 51).

Однако «что-то остается».

«...я называю это копией, образом (*image*) ощущения, иногда представлением или следом ощущения.

Другое имя, которым мы обозначаем этот след, эту копию ощущения, которые остаются после того, как ощущение исчезает, это Идея» (там же, с. 52).

Думаю, Милль смог сделать себя достаточно ясным с исходными понятиями, чтобы можно было приступить к его теории внимания.

Глава 5. Внимание и ощущение – одно

Милль, как я уже говорил, рассматривает внимание как одно из проявлений воли. Сам по себе этот предмет кажется мне искусственно переусложненным в нашей психологии. Дело в том, что английское *will* в действительности означает Желание. И поэтому Милль очень естественно переходит к разговору о внимании, разобрав *Desire*, то есть страстное желание. И никакой воли в привычном нам смысле.

Я пока не углублялся в психологическое понятие воли, и потому не могу высказать свое мнение доказательно. И все же мне кажется, что «воля» наших психологов – весьма искусственное образование, не имеющее под собой действительного предмета. Ее творение было тем самым гипостазированием, против которого предупреждают сами ученые. Родилась же она из христианских формул, вроде: на все воля божия!

Что означает это высказывание? Если идти к пониманию через культуру, то: мы все во власти бога. Или судьбы! А если через русский язык? То строго наоборот – бог дает нам полную свободу поступать, как мы хотим. Мы вольны, но и вся ответственность тоже наша. Бог ничего не запрещает, но и не берет ответственность на себя. Решай человек, думай, выбирай, ты волен, но ты предоставлен самому себе!

Языковое, то есть народное понимание противоположно религиозному и, кстати, гораздо глубже его. Однако наука почему-то избрала в данном случае идти вслед за религией. И поэтому, когда английская психология стала доступна русскому обществу – а это было в то время, когда психология еще существовала в рамках философии, а философию вели профессора духовных семинарий – закрепилось именно то понимание воли, которое мы и имеем сейчас, как некой силы, с помощью которой бог правит нами. И мы тоже можем править собой.

В итоге перевод английских философских и психологических работ, посвященных воле, ведется с определенными искажениями. И в данном случае я могу идти в соответствии с традицией нашего философского перевода и говорить о внимании в рамках «воли», а могу быть буквалистски точным и сказать: я не знаю, подразумевал ли Милль в этой главе волю в смысле нашей психологии, но выводит он эту тему из «желания»:

«Другой процесс, сквозь который ум предположительно может оказывать воздействия на свои цепи, это Внимание» (Милль. т.2. с.362).

Другой, как вы поняли, после «страстного желания». Далее он объясняет, почему включил внимание в раздел *Will*. Я буду оставлять это слово без перевода, оставляя на выбор читателя понимать его либо как «волю», либо как «желание»:

«Мы, похоже, имеем силу входить вниманием (*the power of attending*) или не входить в любой объект; что означает, что мы можем *Will* (*we can will*) внимать это, или не внимать» (там же).

Весьма неуклюжее построение получилось. Однако, если я переведу в соответствии с традицией, получится не менее неуклюже: мы можем волеить внимание обращаться на объект, а можем и не волеить. Вот если мы переводим: мы можем хотеть направить внимание, – то рождается предложение вполне естественного языка.

Но в сторону воление! Важно лишь одно: мы имеем возможность и способность направлять внимание по собственной воле, что в данном случае означает не силу принуждения, а право выбора, то есть свободу. Захочу и направлю! Что опять же переводит нас на поля желаний.

Далее Милль переходит к обоснованию того, что можно назвать пунктиком английской психологии девятнадцатого века, к ассоциациям:

«Обращением внимания на объект, мы даем ему возможность возбудить все идеи, с которыми он ассоциирован. Не обращая на него внимания, мы более или менее лишаем его такой возможности» (там же).

Поскольку теория ассоциаций не возбуждает во мне ассоциаций, я ее опущу и продолжу разговор только о внимании, насколько это, конечно, возможно при изучении работы ассоцианиста. Милль честно заявляет, что в теории внимания опирается на основания, заложенные предшественниками. Кем именно, он не указывает, хотя однозначно исходит из работ Юма и Локка. Впрочем, он наследник всей английской культуры, и не стоит списывать со счетов ни Рида, ни Гоббса, ни епископа Беркли.

Итак.

«На первый взгляд объекты внимания кажутся неопределенными. Однако прослеженные до своих источников, они оказываются всего двух видов. Мы обращаем внимание на Ощущения, мы обращаем внимание на Идеи, и больше нет никаких других объектов нашего внимания» (там же. С. 363).

Вот теперь, думаю, понятно, почему я посвятил предыдущую главу выведению этих двух понятий философии Милля. И это очень важно, потому что нам кажется, и это можно встретить в весьма ученых книгах о внимании, что мы можем направлять свое внимание на что-то весьма внешнее. Например, внимательно следить за секундной стрелкой. Или наблюдать за кошкой, которая внимательно следит за мышью...

Этот уровень соприкосновения с миром нам недоступен. И Беркли, и Милль тут правы. Мы даже не можем быть уверены, что мир вообще существует, мы можем на это только надеяться. А внимание работает с теми ощущениями, которые приходят не из внешнего мира, а из органов восприятия, отгораживающих нас от него. В силу этого закономерно рождается вывод: человек как тело – существо физического мира, но человек как таковой к нему не принадлежит.

Он может жить и там, где существуют идеи. И для того мира у него имеются особые органы, помимо органов восприятия. К примеру, то же самое внимание.

Милль далее напоминает, что для исследования необходимо удерживать в уме, что между ощущениями есть разница, они могут быть безразличными и приятными или болезненными, что он называет интересными ощущениями. То есть ощущениями, вызывающими интерес.

Мазыки, на чьи взгляды я опираюсь в рамках культурно-исторической психологии, имели сходные понятия, правда, не упоминавшие прямо внимание, но предполагавшие его. Разум, сталкиваясь с неведомым или, точнее, налетая на что-то новое, не просто изучает его. В интересах выживания он вынужден исходно применять некоторые предпочтительные действия.

Поэтому самое первое и обязательное действие разума при встрече с незнакомым, как я уже рассказывал, проверить и понять: это опасно или неопасно?! Если опасно, у него наготове образы соответствующего действия – бежать или сражаться. И поскольку он всегда начинает именно с этой проверки, мы еще живы.

Но если изучение показывает, что это неопасно, то, как считали мазыки, дальше разум определяет, съедобно это или несъедобно. Происходит это так быстро, что мы не в силах отследить, что делаем это умственное действие. Однако оно однозначно заметно у животных. И если нечто обнаруженное несъедобно, большинство животных теряет к нему всяческий интерес.

Но не человек. Человек исследует, не может ли это оказаться полезным. Животное и отличается от человека тем, что оно больше разбирается в съедобном, а человек – в полезном.

На мой взгляд, все эти действия разума соответствуют тому, что Милль называет Интересными ощущениями.

«Состояние ума под действием приятных или болезненных ощущений таково, что мы говорим: ощущение захватывает (engrosses) ум; но в действительности это означает не более,

чем то, что это приятное или болезненное ощущение; и что такое ощущение это состояние ума (mind) сильно отличающееся от безразличных ощущений.

Фраза, захватывание ума (engrossing the mind), временами заменяется словом «Внимание» (там же).

Захватывание или поглощение ума, как оно описано здесь Миллем, для меня больше относится к захватыванию сознания. И современная англоязычная психология довольно часто использует слово mind для обозначения именно сознания. Понимание ушло дальше, а язык сохранился, как он был заложен в основаниях философской антропологии, и явно требует уточнений. Тем более, что далее начинается самая суть миллевской теории внимания:

«Приятное и болезненное ощущение, как говорится, привлекает и закрепляет (fix) Внимание Ума. Но если человек постарается объяснить себе, что такое иметь болезненное ощущение и что такое обращать на него внимание, он обнаружит очень мало средств для их различения.

Иметь приятное или болезненное ощущение и внимать ему похоже не две вещи, но одна и та же вещь. Ощущение боли есть обращение на нее внимания, а обращение на нее внимания есть ощущение ее. Ощущение не одна вещь, а внимание другая; ощущение и внимание – одна и та же вещь» (там же. С. 364).

Это неудобное для перевода английское слово fix, to fix attention в действительности имело точное русское соответствие, которое не было принято в научный оборот и уже давно вытесняется и из бытового русского языка. Однако оно использовалось в чародействе, что прямо подводит нас к прикладной психологии. Это слово «улучить». Улучить внимание – все равно как улучшить зверька в лучок – простейшую ловушку, вроде капкана. И уж если он туда улучен, он точно fixed, то есть зафиксирован, как сломанная рука в гипсе.

Русский язык имел много понятий, которые описывали внутреннюю действительность человека. Но он намеренно изгонялся из науки, поскольку выглядеть научно для русского философа можно было только на европейский лад. В итоге мы намеренно и искусственно лишили свою психологию точности, а с ней и силы, то есть действенности.

Но это не значит, что европейская психология намного сильнее. У нее, как говорится, хватает своих тараканов, которых она тоже любовно хранит. Один из них – вот эта уверенность Милля в том, что ощущать боль и внимать ей – одно и то же. Просто взглянемся в его доказательства: «Ощущение боли есть обращение на нее внимания; а обращение на нее внимания есть ощущение ее».

Это чистой воды риторика. Причем, плохая. Один вопрос разрушает все построение: а можно ли обращать внимание на боль, если ее нет? Если нет исходного ощущения, то никакое внимание к боли этого ощущения не создаст. И даже больше: а возможно ли в таком случае вообще это самое внимание к боли? Могу ли я направить внимание хоть на что-то, если его нет?

Но я определенно могу вести поиск того, на что направить внимание. И даже буду ощущать, что все мое внимание наготове, чтобы броситься на то, что будет обнаружено. Это, возможно, далеко не полноценное доказательство существования внимания самого по себе, но это те ощущения, рожденные самонаблюдением, которые позволяют вести поиск доказательств. Или очевидности, которая отменит саму необходимость в доказательствах.

Итак, чрезвычайно соблазнительная возможность заявить: нет никакого внимания самого по себе, есть лишь ощущения, которые захватывают все сознание, поглощая его. Или же это всего лишь легкий путь, позволяющий закрыть вопрос? И жить дальше спокойно, починая на лаврах.

Привела ли английская ассоциативная психология к простой и действенной прикладной работе? Нет. И даже более того: она – одно из самых непростых и трудно понятных детищ евро-

пейского ума. А чародеев, которые могли улучать внимание, англичане просто сожгли заранее, чтобы не мешали торжеству грядущей науки.

Нет человека, нет проблемы. А спорить с нашей правотой нельзя, потому что некому. Классический имперский подход, применяющийся и сейчас, и в истории. Тогда почему империи рушатся? И не рухнет ли однажды и та наука, которая стала теперь империей ума?...

Глава 6. Внимание Канта

Как я уже писал, «русский Дарвин» – Тимофей Петрович Соловьев, в своем труде «Внимание как органическая сила. Опыт биологической теории внимания», вышедшем в 1901 году уверенно писал:

«Главными представителями психологической феноменальной теории внимания являются: Кант, Герbart, Джемс Милль...» (Соловьев. С.13).

Его уверенность покорила меня, и я проверил все доступные мне работы Канта. Как ни странно, но внимание не являлось предметом его исследований, и единственная работа, в которой он хоть как-то говорит о внимании, это та самая, на которую и ссылается Соловьев – «Антропология с прагматической точки зрения».

Кант выпустил эту работу как завершающий труд своей жизни. И. Ларионов в статье, посвященной «Антропологии» Канта, приводит его рассуждения:

«В письме профессору Штейдлину (1798) он говорит об этой работе как об уже почти завершенной и ретроспективно обрисовывает ее первоначальный замысел: „В соответствии с моим давно намеченным планом работы в области чистой философии мне предстояло решить три задачи: 1) Что я могу знать? (Метафизика). 2) Что мне надлежит делать? (Мораль). 3) На что я смею надеяться? (Религия); за этим должна была следовать четвертая задача: Что есть человек? (Антропология...)“».

Когда читаешь критику или просто статьи о Кантовой «Антропологии», невольно проникаешься величиим замысла и ощущаешь потребность молчать рядом с титанами...

Но если честно, мое поверхностное знакомство с этой работой повергло меня в печаль, и оставило ощущение, что она написана моралистом эпохи Просвещения, что, кстати, соответствует действительности. Несмотря на то, что Кант говорит в этой книге о познании себя и о познании человека вообще, книга во многих своих частях просто неумная и почти во всем, что интересовало меня, поверхностная.

Очевидно, прозрения и глубины остались в той части, что сейчас не представляет для меня ценности.

Что же касается внимания, то Соловьев так пересказывает учение Канта:

«Так, по учению Канта, внимание есть особый род стремления нашего духа сознать свои представления. Это стремление двоякого рода. С одной стороны, оно есть внимание (*attentio*), с другой – отвлечение (*abstractio*).

Внимание противоположно рассеянности (*distractio*), которая есть отвлечение внимания от известных господствующих представлений через перенесение его на другие неоднородные представления. Но это отвлечение внимания неодинаково с отвлечением, как актом познавательной способности, которая представляет собой более высокую способность, чем внимание, и состоит в стремлении удержать в сознании представление от соединений с другими представлениями.

В частности, внимание есть особый акт духа, с одной стороны, усиливающий нужное представление, с другой, – подавляющий ненужные представления. Этот акт духа, собственно говоря, есть не что иное, как волевое сознание или апперцепирование.

Он представляет собой притом целый сложный процесс сознания, постоянного воспроизведения и воспроизнания представлений» (там же. С.14).

Как это ни странно, но Соловьев рассказал о внимании у Канта даже больше, чем сам Кант. Он как-то сумел придать тем обрывочным мыслям, что случайно родились у Канта, вид учения. А пересказал их так, что создается впечатление, что это лишь выборка из мыслей, настоящее же учение способно подарить знания и прозрения.

В действительности же Кант впервые говорит о внимании уже в третьем параграфе, после второго, который был посвящен эгоизму. Говорит он о нем прямо в первой строке третьего параграфа, при этом это высказывание никак не является продолжением или развитием мыслей предыдущего параграфа или примечания к нему:

«Стремление сознать свои представления выражается или во внимании (*attentio*), или в отвлечении от представления, которое я сознаю в настоящую минуту (*abstractio*)» (Кант. С.13).

И принимается вдохновенно рассуждать об отвлечении. И если вы вчитаетесь в цитату из Соловьева, то заметите, что Кант нигде не говорит о внимании, он лишь использует его, чтобы вести разговор о чем-то другом, чаще всего об его противоположности.

Параграф, начавшийся как разговор о внимании, тут же переходит сначала в разговор о способности отвлечения, которая «есть гораздо более высокая способность, чем способность внимания... и гораздо ценнее, чем способность внимания, поскольку дело касается представления внешних чувств» (там же). А затем и вообще скатывается в какой-то мещанский треп, который я осторожно называю морализаторством:

«Жених мог бы сделать хорошую партию, если бы он мог закрыть глаза на бородавку на лице или на гнилой зуб во рту своей невесты. Но наша способность внимания имеет ту странную и нелюбезную особенность, что она почти непроизвольно сосредоточивает почти всю свою силу на том, что у другого не в порядке.

Так уж она создана, что во все глаза смотрит на оторванную от сюртука пуговку, на дурной зуб или на обычную ошибку в речи собеседника, и таким путем приводит в смущение других, да и для себя портит свое впечатление.

Если главное хорошо, то не только справедливо, но и умно не обращать внимания на некоторые недочеты в других людях, даже в нашем собственном благополучии» (там же).

Действительно, если уметь одергивать внимание, то можно и хорошую партию составить...

Сколь это ни печально, но вся теория внимания, созданная Кантом, не идет дальше плоских поучений, которые, впрочем, кому-то могут составить благополучие. Курьеза ради приведу следующее высказывание, в котором непонятно только использование латинского перевода:

«Внимание (*attentio*) к себе самому, когда имеют дело с людьми, хотя и необходимо, но при общественных сношениях не должно быть заметным, ибо в противном случае оно ведет или к замешательству (неловкости в обществе) или к аффектации (натянутости). Противоположностью такому самочувствию в обществе является непринужденность (*air degage*)» (там же. С.14).

Слава Вольтера и Руссо, похоже, затмила великий разум. В итоге гора родила мышь...

Глава 7. Внимание Локка

Джон Локк (1632–1704), основатель английской эмпирической школы, в сущности, был отцом современной естественнонаучной психологии. К тому же он немало сделал и для педагогики. Поэтому ему необходимо посвятить две главы, в одной рассказав о его взглядах на внимание, а в другой – о прикладной психологии внимания Локка. Большая часть идей, которыми жила последующая английская философия, да и психология, встречаются уже у Локка.

Я не хочу вдаваться в его отношения к картезианству, особенно в его борьбу с врожденными идеями, в его политические взгляды и многое другое. Мне достаточно того, что он говорил о внимании. Основной труд, в котором Локк заложил основы философии внимания, – его главное произведение – «Опыт о человеческом разумении», как его перевели у нас. В действительности – «An essay concerning human understanding».

Разговор о внимании естественно рождается в десятой главе второй книги трактата, когда заходит рассуждение о том, как ум удерживает или сохраняет простые идеи, полученные от ощущения или размышления. В сущности, способов лишь два: либо созерцать идею, и тем не давать ей исчезнуть, либо запомнить ее и иметь возможность заново вызывать перед умственным взором.

Поскольку это явно полезно для жизни, встает вопрос, как закрепить идеи в нашем сознании?

«Внимание, повторение, удовольствие и страдание закрепляют идеи. Внимание и повторение много способствуют закреплению идей в памяти, но самое глубокое и прочное впечатление, естественно, производят с самого начала те идеи, которые сопровождаются удовольствием и страданием» (Локк, 2, 10, 3).

Если вдуматься, то Локк говорит здесь о произвольном и непроизвольном внимании. Страдание делает его непроизвольным, благодаря этому происходит глубокое запоминание воспринятого. Почему?

«Так как важнейшая задача чувств заключается в обращении нашего внимания на все вредное или полезное для тела, то... природою устроено мудро, что восприятие многих идей сопровождает страдание. Заменяя детям размышление и рассудительность и действуя у взрослых быстрее, чем размышление, страдание заставляет молодых и старых избегать объектов, вызывающих боль, с необходимой для самосохранения поспешностью...» (там же).

Вредное или полезное для тела, либо вызывающее боль, либо позволяющее ее избегать, это прямое обращение к самосохранению или выживанию. И если мы вспомним, что люди под гипнозом или под воздействием наркотиков не знают страха смерти, то тут Локк с очевидностью противоречит сам себе: все же врожденные идеи есть. Правда, их можно назвать инстинктами. Вот только что такое инстинкт, и почему его можно отменить внушением?

Тем не менее задача обеспечить выживание тела явно стоит перед разумом, и задача эта настолько важна, что любое обращение к ней переводит внимание в состояние непроизвольного. Это очевидность.

Как очевидностью является и то, что непроизвольное внимание чрезвычайно способствует учебе и усвоению всего нового. Неочевидно, но очень важно то, что из этого следует вывод: при любой учебе, даже при самообразовании, необходимо овладеть способами, какими можно перевести себя или другого в состояние непроизвольного внимания. И это настолько важно, что из этого искусства стоит сделать науку и разработать ее как можно глубже.

Однако усвоение нового не исчерпывает всех потребностей обретающего знания человека. Даже хорошо освоив нечто мы вполне способны забыть это со временем, причем настолько, что не можем восстановить и следа былых знаний. В чем дело?

«Идеи блекнут в памяти. Что касается различных степеней прочности, с которой идеи запечатлеваются в памяти, мы можем заметить, что одни идеи были вызваны в разуме объектом, действовавшим на наши чувства только раз, не больше; на другие, хотя они больше одного раза представлялись чувствам, все же обращалось мало внимания, потому что ум невнимательный, как у детей, или занятый другим делом, как у взрослых, направляющих свое внимание только на что-то одно, неглубоко воспринимает в себя отпечаток...» (там же, 2, 10, 4).

Как бороться с этой слабостью?

Локк говорит, что постоянное повторение идей позволяет не терять их. Его «идеи» – это, конечно, образы, если говорить по-русски. Но что такое их «постоянное повторение»? Локк говорит об освежении «идей» постоянным возвращением обстоятельств, которые их вызывают. Это очевидность, но не имеет никакого отношения к работе над собой.

Что в действительности является сутью «постоянного повторения» идей? Не встреча с этими предметами в жизни и даже не вызывание их в памяти, а повторное обращение внимания на сами образы. Даже если время от времени наизусть повторять какой-то стих, однажды он забудется. Лишь повторение его со вниманием действительно освежит образ.

Именно из разговора об идеях или образах Локк постепенно и выводит свое понятие внимания. Для этого он создает классификацию действий с образами, которую, несмотря на объемность, я приведу целиком. Внимание оказывается одним из видов таких действий:

«Так восприятие, фактически сопутствующее всякому воздействию, произведенному на тело внешним объектом, связанное с этим воздействием и отличное от всех других модификаций мышления, доставляет уму отличную от других идею, которую мы называем ощущением и которая, так сказать, есть фактическое вхождение идеи в разумение через чувства.

Та же самая идея, когда она вновь приходит без воздействия того же объекта на внешний орган чувств, есть воспоминание; если ум ищет ее, с трудом и усилиями находит и она вновь открывается его взору, это есть припоминание.

Если идею долгое время внимательно рассматривают в уме, это есть созерцание

Когда идеи всплывают и текут в нашем уме, а разум их не рассматривает или не обращает на них внимания, бывает то, что французы называют *reverie* (мечтательность – АШ)...

Когда наблюдают и, так сказать, отмечают в памяти те идеи, которые появляются сами..., это есть внимание» (там же, 2,19,1).

Это совершенно неудовлетворительное определение, очевидно, не устроило и самого Локка. Внимание, может быть, и можно посчитать видом наблюдения, хотя это и весьма сомнительно, но уж точно никак нельзя привязать к способности отмечать нечто в памяти. Да и наблюдение может идти со вниманием или без него.

Поэтому в следующих параграфах Локк возвращается к этому предмету и, в сущности, дает иное определение внимания, вытекающее из более глубокого понятия об уме, что бы он и его переводчик ни понимали под умом.

«Различные степени внимания со стороны ума при мышлении... Каждому из собственного опыта известно, что в уме бодрствующего человека всегда есть те или иные идеи, хотя ум и занимается ими с различной степенью внимания.

Иногда ум с такой сосредоточенностью останавливается на созерцании некоторых объектов, что подходит к их идеям со всех сторон, замечает их отношения и условия, осматривает каждую их сторону так тщательно и с таким напряжением, что исключает все другие мысли и не обращает внимания на обычные, производимые в это время на чувства впечатления, которые в другое время вызывали бы очень заметные восприятия.

В другое время ум просто наблюдает вереницу идей, следующих в нем друг за другом, не направляя и не выделяя ни одной из них.

Иногда же он позволяет им проходить почти совершенно незамеченными, точно бледным теням, не производящим никакого впечатления» (там же, 2,19,3).

В сущности, это еще одна классификация состояний внимания, хотя поданная как классификация состояний ума. Локк явно не дал себе труда определить, чем, к примеру, ум отличается от разума. И чем разум – от сознания. Я не хочу подробно вдаваться в этот предмет, поскольку работаю с переводом его «Опыта», а не с оригиналом, а в мои цели не входит в данном случае подробное изучение его понимания ума и разума.

Однако образы не есть содержание ума. Они – содержание сознания. И работает с ними все же разум, а не ум, хотя современная психология, кажется, не видит разницу между этими двумя явлениями. Тем не менее, даже если строго исходить из того текста, который создан переводчиком, очевидно, что внимание может пониматься как степень напряжения ума (или разума), созерцающего образы сознания.

Именно эта «степень напряжения» и оказывается для Локка «степенью внимания»:

«Следовательно, вероятно, что мышление есть действие, а не сущность души. Это различие между напряжением и расслаблением ума при мышлении в диапазоне великого множества различных степеней – от серьезного изучения до полного невнимания, я думаю, каждый испытал на себе» (там же, 2,19,4).

Можем ли мы в данном высказывании приравнять «мышление» к «уму»? Кажется, нет. «Напряжение и расслабление ума» противоречит такому пониманию. Но тогда все высказывание приходит в противоречие с тем, что мышление есть действие души. Ведь оно – действие ума. Что же такое ум в таком случае? Некий орган души? Тот орган, которым душа совершает действие мышления или, что было бы точнее, думания?

Допустим. Пусть будет так.

Но что тогда есть внимание? Напряжение ума при созерцании идей? Или же некое напряжение души, раз ум лишь ее орган?

Глава 8. Практика внимания

Непроизвольное внимание обеспечивает выживание человека. Однако непроизвольное внимание не в моих силах. Оно рождается само, когда окружающий мир начинает угрожать моему выживанию. Единственное, что я могу, это разработать какие-то приемы, которые будут удерживать в определенных случаях воспоминание об опасности или о чем-то очень важном для моего выживания, тем самым поддерживая внимание.

Что определенно находится в моей власти, это внимание произвольное. Человек может и обязан обучиться управлению им. Локк посвящает произвольному вниманию второй параграф тринадцатой главы четвертой книги своего «Опыта». Глава эта вся о познании, в частности как раз о произвольном познании, поскольку познание, как и внимание, может идти и помимо моей воли, как условие выживания. В этом они и сходны, и, надо принять, связаны, как две стороны одной медали или одного орудия выживания.

Поэтому сначала несколько слов о познании:

«Наше познание отчасти необходимо, отчасти произвольно. Наше познание имеет большое сходство с нашим зрением, в частности и в том, что оно ни всецело необходимо, ни всецело произвольно...

Если у людей есть чувства, они не могут не воспринимать через них некоторые идеи; если у людей есть память, они не могут не удерживать некоторых идей; если у людей есть различающая способность, то они не могут не воспринимать соответствия или несоответствия некоторых идей друг другу точно так же, как человек имеющий глаза и открывший их днем, не может не видеть некоторых предметов и не замечать разницу между ними» (Локк. 4, 13, 1).

Я бы заменил слово «необходимо» на «неизбежно». Наше познание неизбежно. Ты открыл глаза – ты видишь – познание пошло. Однако в одних случаях оно идет хорошо, в других – плохо, у одних людей познание ведет к обретению знаний и ума, у других – топчется на месте, как если бы они до старости оставались недоразвитыми детьми. В чем разница? Что определяет качество нашего познания?

«Внимание произвольно, но мы познаем вещи, как они есть, а не как нам угодно. Во власти человека еще и другое. Обращая свой взгляд на какой-нибудь предмет, он может решить, будет ли он рассматривать его пытливо и стараться с напряженным вниманием точно подметить все, что в нем видно.

Но то, что он видит, он не может видеть иначе, чем он видит. И он не волен видеть черным то, что является желтым...» (там же. 4, 13, 2).

Локк показывает зависимость и ограниченность внимания. Внимание явно служебно. От него зависит качество познания, но не само познание. Напряжение внимания, о котором он говорит в этой главе, чрезвычайно напоминает «напряжение ума», использованное им во второй книге. Вероятно, это одно и то же, а значит, Локк просто не смог определиться с понятием ума. Этот предмет остается открытым для будущих исследователей.

Но зато он очень точно выводит взаимозависимость внимания и ума как познающей способности. И это останется:

«Произвольно в нашем познании лишь применение наших способностей к вещам того или иного рода или воздержание от познания вещей, а также большая или меньшая тщательность их рассмотрения. Но когда наши способности применяются, то наша воля не имеет силы направить познание нашего ума на тот или иной путь: оно определяется исключительно самими предметами в той мере, в какой они ясно обнаруживаются...

Ибо то, что человек видит, он не может не видеть, а о том, что он воспринимает, он не может не знать, что воспринимает» (там же. 4, 13, 2).

В нашей воле лишь усилить напряжение познания или ослабить его. И делается это с помощью напряжения произвольного внимания. А вот оно точно в нашей власти. И отсюда рождается возможность упражнения внимания, которое Локк относит к духовным.

Понятие духовных упражнений чрезвычайно важно для философии и прямо связывает философию Нового времени с христианской философией и философией античности. Однако оно и непросто, что видно на примере Локка.

Он не смог вместить его в свой «Опыт», хотя и задумал как дополнительную главу к четвертой книге под названием «Об управлении разумом». Локк долго писал это сочинение и даже жаловался в письмах, что оно раскрывается все шире и ужасает его своей огромностью. Издано это неоконченное произведение было уже после смерти Локка. Тем не менее это Духовное завещание великого мыслителя, которое является самым ценным в его творчестве.

«Практика. Хотя духовные способности совершенствуются упражнением, однако их не следует доводить до напряжения, превышающего их силу...

Душа, занятая работой, которая ей не по силам, часто надрывается подобно телу, напрягающемуся при поднятии слишком тяжелого груза, и навсегда приобретает неохоту или отвращение ко всякому сильному напряжению...

К трудным и замысловатым разделам знания, которые являются испытанием для силы мысли и для способности души к полному напряжению, следует подводить разум постепенно и незаметно» (Локк. «Об управлении...». С. 28).

Вот исходные условия и постановка задачи: душу надо упражнять, совершенствуя духовные способности путем постепенного увеличения напряжения ее сил.

Это водораздел. Это Рубикон, до которого был один мир, после которого начинается другой. До этой черты мы находились в области теоретической философии, в мире спекуляций, часто пустых и почти всегда безответственных, где каждый мог говорить все, что ему вдумается. За чертой мы вступаем в мир прикладной философии, и тут философ отвечает за каждое свое слово, потому что за неточность и произвольность он будет наказан!

Духовные упражнения, как и воспитание детей, без наказаний или хотя бы без удержания в памяти их возможности не идут! И не потому, что так легче воспитывать других или себя. А потому, что так устроен мир. Это он наказывает за глупость, поверхностность и пустословие. Локк потому и не смог дописать это сочинение, что слишком много сказал резких и пустых слов только ради спора, а не ради постижения истины. Его «Исповедь» была его собственным наказанием!

И вот что удивительно. В мире безответственного философствования, в мире чистой теории, внимание не нужно, оно презирается и подвергается гонениям. Но стоило только мыслителю перейти за черту Духовных упражнений, и Золушка превратилась в принцессу! Если только не в Богиню...

«Когда ум постепенно и незаметно приучит себя к вниманию и упорному мышлению, он способен будет бороться с трудностями и преодолевать их без вреда для себя...» (там же).

Иными словами, нельзя бросаться в духовные упражнения очертя голову: душа может надорваться, как и тело. В этом они очень похожи – душа и тело, настолько похожи, что создается впечатление, что душа тоже телесна, хотя и на тонком уровне. Но этот разговор преждевременен.

Зато определено: чтобы не надорваться, необходимо приучить ум к вниманию и упорному мышлению. Упорное мышление – это самая способность удерживать один и тот же предмет рассмотрения. Внимание – это сила напряжения познающей способности, если Локк прав в своем определении внимания.

Локк расписывает подробней, что такое упорное мышление, называя его утомительным занятием:

«...мысленно поворачивать вещи так и этак, ставить их в самые разные положения, чтобы обнаружить их более скрытые и более ценные тайны» (там же).

Но гораздо важнее, что он пишет о внимании, которому посвящает 30-й параграф, названный «Блуждание». Здесь подробнее расписано одно из Духовных упражнений, созданных Локком, которое я постараюсь пересказать как можно подробнее.

«О том, что в нашем уме осуществляется непрерывная смена и идет непрерывный поток идей, я уже сказал... Этому обстоятельству, я полагаю, мы должны уделить известное внимание при руководстве нашим разумом.

Я считаю очень полезным, если мы сможем путем практики приобрести такую власть над нашим умом, чтобы управлять этим потоком идей, с тем, чтобы, поскольку в наши мысли будут постоянно вторгаться новые идеи, непрерывно сменяя друг друга, мы могли по своему выбору направлять их так, чтобы под рассмотрение попадали только идеи, имеющие отношение к нашему данному исследованию» (там же. С. 30).

Это упражнение можно назвать дисциплиной ума или умственной деятельности, а можно гигиеной, поскольку оно явно связано с очищением потока сознания. Но еще заманчивей рассмотреть в нем связь с йогой, с теми ее ступенями, которые обучают удерживать поток сознания на чем-то одном и не отвлекаться.

Это великое искусство! К тому же:

«Я полагаю, что достигнуть этого не так легко, как, может быть, думают, но вместе с тем, насколько я понимаю, это, возможно, если не главное, то одно из важнейших отличий, в силу которого одни люди в своем рассуждении столь превосходят других...» (там же).

Средством против блуждания мыслей называет Локк это упражнение. И вот в чем его суть:

«Я должен сознаться, что до сих пор не нашел другого средства сосредоточивать мысли непосредственно на своем деле, кроме как пытаюсь, насколько это возможно, и часто проявляя внимание и прилежание, приобрести привычку быть внимательным и прилежным» (там же).

Золушка всегда была богиней, которая стоит у врат прикладной философии и выпускает в эту землю лишь тех, кто способен ею овладеть. Мистический брак философа с вниманием, подобный алхимической свадьбе, меняющей сущность мыслителя...

Брак этот осуществляется с помощью упражнения, названного прилежанием. Локк раскрывает его на примере воспитания детей, которые даже при полном напряжении своих сил не в состоянии удерживать мысли от блуждания:

«Если осторожно возвращать их блуждающие мысли обратно, вводя последние в русло и указывая детям путь, которым они должны идти, не делая при этом никакого выговора или даже не замечая их рассеянности (когда без этого можно обойтись), это, я полагаю, быстрее приохотит и приучит их к вниманию...» (там же).

Доктор, исцели себя сам. Философ, примени это сначала к себе!

Тем не менее, я должен сделать отступление и показать, как подобные прозрения сказались на педагогике.

Глава 9. Степень интереса. Гербарт

Соловьев, ставивший Иоганна Фридриха Гербарта (1776–1841) в отношении его вклада в теорию внимания сразу вслед за Кантом, уделяет ему один абзац, за который, я думаю, умудряется пересказать все, что нашел. Звучит это так:

«Гербарт под вниманием разумеет такое расположение духа, особое душевное состояние, в котором представления получают большую интенсивность. Это расположение зависит от разнообразных как связанных с волею, так и независимых от нее обстоятельств, усиливающих представление, каковы сила впечатления, восприимчивость субъекта, степень противоположности нового представления прежним, воспроизведение и т. д. Впрочем, Гербарт разделяет внимание „на два рода: внимание, зависящее от воли, и внимание, не зависящее от нее, главной причиной которого он считает репродукцию...“» (Соловьев. С. 14–15).

Привожу эту выдержку целиком, поскольку Соловьев не указывает точно, из каких сочинений почерпнул свои знания, но в том, что он верно излагает Гербарта, не сомневаюсь. Впрочем, сказать это Гербарт мог либо в своих психологических, либо педагогических трудах. Ученик Фихте, современник Шеллинга, преемник Канта на кафедре философии в Кенигсберге, чуть не наследовавший кафедру философии после Гегеля, Гербарт был мало оценен как философ, зато оставил заметный след в педагогике. Именно ради ее целей он писал и психологические сочинения.

Главные его психологические сочинения, предвосхитившие находки Brentano и Freyda, – «Психология как наука, вновь обоснованная на опыте, метафизике и математике» (1824) и «Учебник психологии», изданы с сокращениями в 1895 году в России. Очевидно, Соловьев пользовался немецким изданием, поэтому мне просто не удалось найти те высказывания, которые он приводит.

Впрочем, это и не так уж существенно, поскольку все, что Гербарт говорит о внимании в психологических сочинениях, заслуживает немногим больше внимания, чем морализаторство Канта. В русском издании о внимании Гербарт говорит во второй части «Учебника психологии», называвшейся «Эмпирическая психология», в главе, посвященной различию между высшими и низшими способностями:

«Вольф между высшими и низшими способностями представления помещает внимание (однако только произвольное, между тем как непроизвольное является чуть ли не более важным). Высшие способности начинаются у него вместе с отчетливостью понятий, признаки которых разлагает внимание...»

Именно делая понятие более отчетливым, внимание равномерно вызывает одно за другим заключающиеся в нем частные представления; вместе с тем оно, так сказать, выравнивает понятие, признаки которого до сих пор как-то случайно торчали друг перед другом...

В обыденной жизни находится довольно много примеров неравномерного индивидуального мышления – таковы отрывочные сведения рутинера сравнительно с равномерно выработанным знанием истинного ученого. Последнее, без сомнения, является делом прогрессирующего внимания» (Гербарт. «Учебник». С. 160).

Трудно определить, докуда Гербарт в этом отрывке излагает Вольфа, а где говорит сам. Но в следующей строке он, кстати сказать, переходит к Канту и забывает о внимании. Я склонен считать, что в этом отрывке из «Эмпирической психологии» он все же не самостоятелен, потому собственное понимание внимания он излагает в третьей части учебника – «Рациональной психологии». Правда, разговор этот снова возникает случайно, посреди главы «О необузданной игре психического механизма»:

«От фантазирования и мышления человека зависят его интуиция и внимание (Merken), вообще – его интерес...

Внимание (*Aufmerksamkeit*) бывает отчасти произвольным и пассивным, отчасти произвольным и активным. О последнем здесь еще нет речи, потому что оно находится в связи с самообладанием. Первое имеет свое основание отчасти в мимолетном расположении духа во время деятельности внимания... отчасти же определяется прежними представлениями, которые воспроизводятся тем, на что обращено внимание:

а) При состоянии духа во время деятельности внимания имеют значение четыре обстоятельства: напряженность впечатления, свежесть впечатлительности, степень противоположности к представлениям, уже находящимся в сознании, и степень более или менее деятельного перед этим настроения.

б) Что касается содействия прежде воспроизведенных представлений, то они могут не благоприятствовать произвольному вниманию как вследствие излишка, так и вследствие недостатка, потому что в обоих случаях для вновь воспринятого оказывается невозможным определиться по расположению духа...

...деятельности внимания благоприятствуют главным образом два обстоятельства: во-первых, если она находится в контрасте со старым, причем воспроизведение достаточно сильно для связывания, хотя и не повреждает впечатлительности излишком; во-вторых, если новым ускоряется развитие прежних представлений, к чему они уже и без того стремились. В этом случае оно устанавливает новые связи, удовлетворяя вместе с тем желание или вызывая все-таки приятное чувство.

Это происходит в особенности при заранее возбужденном ожидании.

Примечание. Внимание и ожидание, будучи оба ступенями интереса, равным образом относятся к основным понятиям общей педагогики...» (там же. С. 257–258).

Привожу здесь эту огромную выдержку из Гербарта, поскольку подозреваю, что он говорит нечто важное для понимания внимания, что очень не хочется упустить. Однако мне не хватает для понимания отдельной главы, посвященной общему определению этого предмета. Но ни в одной из его психологий нет ни главы о внимании, ни главы об интересе, ступенью которого и является для Гербарта внимание.

Зато в этой выдержке приведено немецкое слово, которым Гербарт обозначает внимание – *Merken*, не *Achtung*, что было бы привычней. Это важно, поскольку, имея дело с переводами, никогда нельзя быть уверенным, что переводчик говорит именно о том, что ты ожидаешь. И в следующей главе это проявится.

В общем, печально. Если бы не подсказка. Гербарт, вероятно, потому и не состоялся как великий философ, что не был теоретиком науки. Он был практиком, а полем приложения его способностей была педагогика.

Глава 10. Забота о другом

В 1797 году Гербарт, завершив философское образование, принимает предложение швейцарского аристократа Штайгера стать домашним учителем его сына в Берне. Эти пять лет жизни оказались для него очень важными и завершились выходом в свет в 1802 году статьи, посвященной воспитанию – «Об эстетическом представлении о мире как о главной задаче воспитания». В том же году он переезжает в Геттинген, где защищается по философии и начинает преподавать педагогику.

Это сочинение 1802-го года несколько противоречиво, что, очевидно, отражает перелом в мировоззрении Гербарта. Оно, если судить по названию, посвящено эстетике, однако уже в первой строке заявляет иную задачу:

«Единую задачу воспитания можно целиком выразить в одном только слове: нравственность» (Гербарт. «Об эстетическом». С. 1).

Свою этику Гербарт напишет уже в следующем, 1803-м году. Но и это будет лишь переходом к чистой педагогике, что отражается в статье, накапливаясь к ее завершению.

Все немецкие философы той поры так или иначе были под влиянием Канта. И Гербарт отдал немало сил полемике с ним. Она не так уж заметна в его педагогических сочинениях, однако, если вспомнить, что сам Кант, условно говоря, диалектически отрицал Локка, выбор, на чьих принципах строить воспитание, говорит о многом. Статья Гербарта завершается так, словно он в начале собственного профессионального пути заявляет о выборе:

«Но при чем остается воспитание? Как питомец в этой связи приходит к пониманию индивидуальности?...

И еще до исследования законов ему необходимо четкое восприятие данного. Вообще от него требуется внимание, умение отдаваться данному. Ему нужна ранняя дисциплина (Zucht) блуждающих мыслей, ранняя привычка к точному выполнению и завершению начатой работы» (там же. С. 46–47).

Дисциплина блуждающих мыслей – это Локк! Это то, на чем ровно за век до этого остановился великий английский мыслитель, не в силах справиться с огромностью раскрывшегося предмета. Гербарт начинает свой творческий путь с этого места.

Внимание, точнее воспитание внимания или даже некой культуры внимания и прилежания, если вспомнить Локка, оказывается тем исходным основанием, на котором должна строиться любая наука воспитания.

Именно на нем Гербарт возводит свою «Общую педагогику, выведенную из цели воспитания», вышедшую в 1806 году. Кстати, Локк поминается уже в четвертом параграфе книги, хотя Гербарт относится к педагогике Локка с изрядным скепсисом. Заимствован, или точнее воспринят, лишь тот исходный принцип, что относится к вниманию. Все остальное должно делаться иначе. Он действительно идет дальше Локка.

И какова же цель воспитания?

Для Гербарта – однозначно управление детьми. Этот ответ не отвечает требованиям точного рассуждения, поэтому дострою его на немецкий лад: дети должны вырасти полноценными членами общества, что значит быть управляемыми и поддерживать установленный порядок.

Если этого не сделает педагог, семена «...дикой необузданности, грубые хотения остаются в ребенке, умножаются и крепнут вместе с годами. Чтобы они не могли придать общественному направлению воле, вырастающей среди них, необходимо держать их под постоянно осязаемым гнетом» (Гербарт. Общая. 1, 1, I, 3).

Гербарт начинает свою педагогику с понятия гнета, который общество должно наложить и всегда накладывает на детей, и завершает ее разговором о необходимости наказаний в целях управления. Современная педагогика стыдливо замалчивает подобные темы, что не значит, что

наказания не применяются при воспитании. Они лишь не разрабатываются научно, а значит, оставлены на усмотрение не всегда здоровых психически людей.

Но мне сейчас важнее то, что, подходя к теме наказаний, Гербарт использует понятие «воспитательной заботы», которое я и хочу особо выделить, потому что оно-то и включает в себя все то, что им сказано о внимании:

«Воспитательная забота о развитии культуры должна действовать также и определяюще, чтобы был решен выбор. А для этого требуется подвижность духа, постоянно умеющая соответствовать движениям юной души» (там же. 3, 5, III, 36).

Конечно, Гербарт, говоря о юной душе, подразумевает душу ребенка. Это верно для педагога, но неверно для психолога. Юными души бывают и в зрелых телах. Иными словами, любая необученная и невоспитанная душа может считаться юной, а заявленный принцип – исходить не из своих представлений, а из потребностей и движений души, с которой работаешь, – должен быть сутью всей психологической работы.

Мысли Гербарта о наказаниях я оставляю для другого исследования, но вкратце скажу: даже работа над собой идет лишь тогда, когда мы осознаем, что будем наказаны самой жизнью и окружающим миром, если не научимся, как выживать. Поэтому возможность наказания должна присутствовать в жизни того, кто избрал совершенствоваться, как тот самый гнет, что заставляет из-под себя выбираться, раскрывая способности и обретая умения.

Вот теперь возможен разговор о теории педагогического внимания Гербарта как составной части воспитательной заботы, то есть заботы о другом. Я подчеркиваю это, потому что погружение в философскую древность внимания скоро приведет нас к глубочайшему понятию античной философии – заботе о себе, известной, самое малое, начиная с Сократа.

Гербарт не знал ни этого понятия, ни соответствующей философской культуры, однако, если вчитаться в его строки, то он звучит, на удивление точно передавая смысл античной «заботы о себе»:

«Но действительное понимание чужих чувств предполагает понимание своих собственных. Следовательно, надо, чтобы юная душа разобралась сама в себе и открыла бы в себе первообраз человеческих душевных движений. Она также должна научиться понимать выражения, в которых обнаруживается человеческое чувство, сперва произвольное, но постепенно также и меру, и вес условных обозначений.

К этому должна присоединиться забота о том, чтобы в своем собственном поведении постоянно иметь в виду и других...» (там же. 2.5, II, 39).

Именно из заботы о себе, которую надо привить ученикам, как стремление сделать свою душу совершенной, рождается в рамках воспитательной заботы потребность в овладении вниманием:

«Непосредственное действие на душу юношества с целью воспитать (образовать ее) есть воспитательная забота; следовательно, имеется, по-видимому, возможность воспитать путем простого воздействия на чувства, без внимания к умственному кругозору.

Так могло бы казаться...» (там же. 3, 5, I, 6).

Здесь внимание пока еще скрыто внутри понятия «умственный кругозор». Гербарт посвящает целый раздел этой главы «выработке умственного кругозора», вводя даже понятие «искусства раздвигать умственный кругозор». Этот раздел прямо начинается с задачи овладеть вниманием:

«Поддерживать спокойствие и порядок во время уроков, удалять всякие признаки неуважения к учителю – дело управления.

Но внимание, живая восприимчивость, это нечто другое, чем спокойствие и порядок. Дети могут быть вышколены так, что будут сидеть смирно, не воспринимая ни одного слова. Для внимания требуется наличие многих условий.

Преподавание должно быть понятным, однако же скорее трудным, чем легким, иначе оно вызовет скуку. Оно должно постоянно питать определенные интересы, об этом говорилось раньше. Но питомец должен уже вносить в него надлежащее настроение, и это настроение должно быть для него привычным...

Весь жизненный уклад должен быть свободен от мешающих влияний; в уме не должно быть места ничему нарушающему равновесие преобладанием интереса к нему. Правда, это не всегда и не вполне во власти воспитателя...

Скорее в его власти так глубоко запечатлеть всей совокупностью воспитательной заботы о морали глубокое чувство важности, придаваемой им тончайшему вниманию, чтобы мальчик больше не простил бы себе, если бы явился на урок без полной сосредоточенности» (там же. 3, 5, III, 28).

Вся воспитательная забота должна быть направлена на то, чтобы донести до человека то глубокое чувство важности, которая должна придаваться тончайшему вниманию. Именно его Гербарт называет сосредоточенностью.

Два понятия – «сосредоточенность» и «интерес» – являются основами гербартовой теории внимания, и их нельзя опустить. Вся вторая книга «Общей педагогики» посвящена «Многосторонности интереса». В сущности, речь идет о целеустройении, которое правит жизнью человека, а значит, позволяет воспитателю управлять им во время обучения.

Воспитатель должен приложить все усилия, чтобы его ученик не вырос односторонним, а значит, неполноценным человеком и членом общества. И начинается эта работа с освоения «Сосредоточенности и осознания», чему посвящен первый раздел первой главы этой книги. Именно здесь переводчик снова догадается вставить немецкое слово *merken*, чтобы пояснить, что именно Гербарт имеет в виду. Если помните, именно оно использовалось Гербартом в «Учебнике психологии», когда он определяет внимание.

Итак:

«Всякий, когда-либо с любовью отдававшийся какому бы то ни было предмету человеческого искусства, знает, что значит сосредоточиться. Есть ли такие настоящие дела и занятия, есть ли такие приобретения на пути образования, усвоение которых было бы возможно без длительной задержки над ними, которые не требовали бы на некоторое время полного отвлечения наших мыслей от всего иного, чтобы мы могли сосредоточиться над ними» (там же. 2, 1, I, 7).

Эта своеобразная йога или практика внимания переходит у Гербарта в психологию сознания. Я не в силах в нее вдаваться и не могу точно вывести его понятие сознания, но напомним, что он во много предвосхитил Фрейда. Поэтому, даже если теоретические построения Гербарта и вызывают подчас сомнения, сомневаться в нем как в прикладнике я не в силах. Поэтому я просто перескажу, как он видит ту среду, в которой ведется работа над сосредоточенностью и вниманием:

«Основанием личности служит единство сознания, собирание, осознание. Сосредоточенность над одним исключает сосредоточенность над другим и тем самым исключает то осознание, в котором они должны бы объединиться. То, чего мы требуем, не может происходить одновременно.

Следовательно, одно должно следовать за другим. Сперва сосредоточенность над одним, затем над другим, затем встреча их в осознании. Какое бесчисленное количество подобных переходов должен преодолеть разум прежде, чем личность, обладающая богатством освоенного и с легкостью возвращающаяся ко всякой сосредоточенности, сможет назвать себя многосторонней» (там же. 2, 1, I, 10).

Напомним: Гербарт называет это искусством раздвигать умственный кругозор. А это значит, что речь идет не о том, чтобы сосредоточиваться на сознании, собирании и осознании, а на том, чем ученик хочет овладеть в жизни, чтобы стать разносторонней личностью. Как гово-

рил Чехов: «в человеке все должно быть прекрасно и лицо и одежда и душа и мысли»... Это верно, но для этого над каждой своей чертой придется поработать. Как поработать и описано Гербартом.

«Но при этом нам следует заметить, что между крайностями концентрированной сосредоточенности и всеобъемлющего осознания лежат обычные состояния сознания, которые как угодно могут рассматриваться: с одной стороны, как частичная сосредоточенность, с другой – как частичное освоение» (там же. 2, 1, I, 14).

Вдаваться сейчас в важнейшие темы усвоения и освоения я не в силах. Ограничусь тем, что именно ради освоения тех знаний, которыми мы хотим овладеть, человек и должен научиться сосредоточенному вниманию. Но сила человеческой сосредоточенности, говорит Гербарт чуть дальше, слишком слаба. Поэтому необходимы прием и средство, которые соберут эту силу:

«Таким образом, настойчивое желание вместе с интересом должны представлять как целое выдающееся человеческое побуждение» (там же. 2, 2, 2).

Интересы – это именно то, чем должен овладеть человек, чтобы стать разносторонним. В сущности, это иное имя для знаний, умений и способностей. Но с точки зрения раздвигания умственного кругозора, «интерес является тем, что преследуется сосредоточенностью и должно собираться освоением» (там же. 2, 3, 1).

Иными словами, интересы – это жизненные цели, то, чем ты хочешь овладеть в этом мире. Но вот хитрость – эти цели не снаружи, потому что ничто снаружи нельзя освоить или усвоить. Эти цели достигаются лишь тогда, когда ты научился ими овладевать, а значит, освоил некие знания. Следовательно, эти цели направлены внутрь, на раскрытие душевных способностей и качеств.

И достигается это лишь с помощью орудия, которое зовется сосредоточенностью или утонченным упражнением вниманием.

Глава 11. Французская антика. Адо

Локк и, что естественно, Кант и Гербарт представляют философию Нового времени. Однако она не только зарождается гораздо раньше, но и существует во все предшествующие эпохи, меняя свое лицо.

Изменения эти не только исторически объяснимы, но и как-то присутствуют в современной философии, накладывая свои отпечатки. Один из них – это то, что современная философия совершенно перестала быть прикладной, каковой она была со времени своего зарождения и на протяжении всей античности. Античный философ вовсе не обязан был писать на философские темы, ему достаточно было жить в соответствии с некой философией, и его признавали философом.

В наше время философ – это человек с философским образованием, работающий по специальности в каком-либо учебном заведении. Иными словами, мы больше не знаем философов, потому что их заменили профессиональные философы. Восклицание: «Ну ты философ!» – несет в изрядной мере насмешку...

Как произошло, что философия стала исключительно школьной, даже школярской дисциплиной и полностью ушла из мира?

Ответ вполне прост. Укрепляющееся христианство заимствовало у греческой философии многие черты и в первую очередь то, что истинный христианин должен жить в соответствии с тем учением, которое разделяет. В итоге именно христианская жизнь и стала философской. По крайней мере, так было на протяжении Средневековья.

Тогда же в рамках христианского образования появилась и потребность в некой дисциплине, которая бы снабжала главную науку церкви, теологию, материалом для размышления и построения. Ею и стала философия. Поскольку именно теология была прикладной наукой, философия той поры сосредоточила в себе все рассудочные дисциплины, став, как было объявлено, «служанкой теологии».

Это отношение с церковью давно преодолено, но философия так и не смогла вернуть себе прикладную составляющую, оставшись университетской наукой, дисциплиной, исполняемой только в рамках школы и существующей в виде записей тех лекций, которые профессор читает студентам.

В сущности, современная философия все еще служанка, лишь потерявшая свою госпожу.

Вероятно, попытки вернуть философии прикладную составляющую делались неоднократно. Но все это было делом отдельных личностей и делалось так, как эта личность видела. Попытка возродить античный подход к философии была сделана лишь в последней четверти прошлого века во Франции. И началась она с того, что несколько философов, формально не составлявших единой школы, проявили глубокий интерес к тому, как философствовали в древности.

Думаю, началом этого движения была статья Пьера Адо (1922–2010) «Духовные упражнения», опубликованная в 1976 году в «Ежегоднике V отделения Практической школы высших знаний». В 1981 году Адо опубликовал книгу «Духовные упражнения и античная философия», где развивал идеи первой статьи на основе глубоких знаний античных источников.

Вскоре к этой же теме пришел другой крупный французский философ Мишель Фуко, но о нем отдельный рассказ.

Итак, Адо. Надо сразу отметить: Адо был учеником Мориса Мерло-Понти. Мерло-Понти, последователь феноменологии Гуссерля и экзистенциализма Хайдеггера, в работе «Феноменология восприятия» уделяет целую вводную главу вниманию. Делает он это, так сказать, психологически и совсем не в том ключе, в каком будут работать с вниманием Адо и Фуко, и

все же это заложило саму возможность философского осмысления внимания во французской философии.

Вероятно, основная мысль, которая двигала Адо при его погружении в античную философию, была высказана им в его инаугурационной речи в 1983 году, когда он с подачи Фуко был приглашен занять кафедру истории эллинистической и римской мысли. Речь называлась «Уроки античной философии» и должна была сказать о главном, то есть о том, что и привело профессора на эту кафедру:

«Историки философии в общем уделяют достаточно мало внимания тому факту, что античная философия является прежде всего образом жизни. Они в основном рассматривают философию как философскую речь. Как объяснить происхождение этого предрассудка?» (Адо. Уроки. С. 274).

Объяснение Адо в общем совпадает с общепринятым мнением, которое я уже высказал чуть выше. Но он идет дальше, и это очень важно для книги о внимании:

«Вначале, со II века после Р.Х., христианство представало как философия, то есть как христианский образ жизни...

Оно должно было также интегрировать философские духовные упражнения в христианскую жизнь. Этот феномен интеграции очень четко предстает у Климента Александрийского, где мы можем найти стоические и платонические упражнения по вниманию к самому себе (*prosoche*), медитации, испытанию совести, упражнению в смерти, где мы также видим, какая ценность придается спокойствию души и бесстрастию» (там же. С. 274–275).

Греческое «просохи» (*προσοχη*) – «внимание», открывает список тех упражнений, которые христианство заимствовало у античной философии. Что имеется в виду? Так называемая забота о себе, о которой говорит Сократ в «Апологии» и «Алкивиаде».

«Таким образом, философия в эллинистическую и римскую эпоху предстает как образ жизни, как искусство жить, как способ бытия. Действительно, начиная по меньшей мере с Сократа, античная философия имела этот признак. Был стиль сократической жизни (которому будут подражать киники), и сократический диалог был упражнением, приводящим собеседника Сократа к вопросу о себе самом, к потребности взять заботу о себе самом, сделать свою душу, насколько возможно, самой красивой и самой мудрой» (там же. С. 273).

Забота о себе, каждодневная прикладная философская работа над собой, меняющая и сознание, и душу, начинается с освоения внимания. Оно в основе всей подобной работы. По крайней мере, так считали все последовавшие за платонизмом школы античности.

«В стоицизме, как и в эпикуреизме, философствование есть непрерывный, постоянный акт, отождествляемый с жизнью, акт, который нужно возобновлять в каждое мгновение. В обоих случаях можно определить этот акт как ориентацию внимания.

В стоицизме внимание направляется на чистоту намерения, то есть сообразность воли человека с Разумом, то есть волей универсальной Природы. В эпикуреизме внимание направляется на удовольствие, которое в конечном итоге есть удовольствие бытия.

Но чтобы осуществить это внимание, необходимы всякого рода упражнения, в частности, интенсивная медитация о фундаментальных догматах, все время возобновляемое осознание конечности жизни, нравственная самопроверка, и, особенно, определенная установка по отношению ко времени» (там же. С. 272).

Чтобы осуществить это внимание, необходимы упражнения!

Они не исчерпываются тем, что перечислил Адо в этих строках. В других работах он пишет об упражнениях гораздо подробней. Но даже сказанного достаточно, чтобы понять: речь о философии не является философией. И никакие книги или статьи не сделают тебя философом, если ты не овладеешь вниманием и упражнениями, которые делают человека мудрей.

Очень похоже, что внимание потому и выпало из предмета современной философии, что она потеряла действенность и стала всего лишь способом говорить о прошлых деяниях...

Глава 12. Забота о себе самом в христианской философии

Для рассказа об этом предмете у меня не хватает источников. Большая их часть либо совсем не переведена у нас, либо издана чрезвычайно плохо, что характерно для изданий церковной литературы. Поэтому я целиком построю эту главу на тех материалах, что используют Пьер Адо и Мишель Фуко.

Исходная мысль, определяющая отношение к христианской философии, очевидно, была высказана Пьером Адо еще в 1976 году в «Духовных упражнениях»:

«Но в схоластике Средних веков *theologia* и *philosophia* четко отграничились друг от друга. Теология осознала свою самостоятельность как высшая наука, а философия, отделенная от духовных упражнений, которые с того времени являлись частью христианской мистики и морали, была низведена до ранга „служанки теологии“, поставляя теологии концептуальный, то есть чисто теоретический материал» (Адо, «Духовные». С. 63).

Однако начиналось это с того времени, когда христианство отвоевывало свое место под солнцем в культуре эллинистического Средиземноморья, впитывая и поглощая античную философию:

«С первых же веков христианство представляло само себя как *philosophia* в той мере, в какой оно усваивало для себя традиционную практику духовных упражнений. Именно так происходит, в частности, с Климентом Александрийским, Оригеном, Августином в монашестве» (там же. С. 62–63).

В сущности, заимствованными оказались множественные упражнения, входящие в то самое Сократическое понятие Заботы о себе, причем, заимствованы они были как по сути, так и по имени. Фуко, подхватывая мысли Адо в курсе лекций «Герменевтика субъекта, отчитанных им в 1981–82 годах, выводит большую часть таких упражнений из Платоновского „Алкивиада“, используя греческое понятие „техники“ или „искусства жизни“ – *tekhnē tou biou*, – которое является стержнем Заботы о себе.

„Итак, целый ряд слов – *meletan*, *melete*, *epimeleisthai*, *epimeleia* и т. д. – обозначает некую совокупность практик. И в словаре христианства IV века, как вы увидите, чаще всего *epimeleia* имеет смысл упражнения, упражнения в аскезе“ (Фуко. „Герменевтика“. С. 101).

Не надо забывать, что понятие аскезы, заимствованное в античной философии, коренным образом изменилось в христианстве, превратившись из просто духовного упражнения в самоограничение и даже в истязание плоти. Очевидно, христианству более всего подходило стоическое понимание жизни.

Но для меня сейчас имеет значение только то, что все эти духовные упражнения основаны на определенном искусстве управления вниманием. И Фуко однозначно показывает это, заявляя, что понятие *epimeleia heautou*, что, собственно говоря, и есть сократическое предписание „позаботиться о себе самом“, включает в себя необходимость самопознания, для чего необходимо овладеть вниманием:

„во-вторых, *epimeleia heautou* – это также некоторое особенное направление внимания, взгляда. Заботиться о себе значит некоторым образом обращать взгляд, переносить его со всего внешнего... и обратить его на самого себя. Забота о себе предполагает некий способ слежения за тем, о чем ты думаешь, что делается у тебя в душе...

в-третьих, понятие *epimeleia heautou* обозначает не просто общую установку или обращение внимания на себя. *Epimeleia* также всегда подразумевает некие действия, такие, которые производят над самим собой, с помощью которых берут на себя заботу о себе, изменяют себя, очищаются, становятся другими, преображаются.

Отсюда целый набор практик, которые в большинстве случаев суть также и упражнения, и им в истории западной культуры, философии, морали, духовности суждена очень долгая

жизнь. Это, например, техника медитации, техника обращения с прошлым, техники досмотра сознания, удостоверения возникающих представлений и т. д.“ (там же. С. 23).

Это высказывание Фуко тем важнее для меня, что оно прямо заявляет: в основе любой действительной философии лежит искусство управления вниманием. Даже тогда, когда это прямо не заявляется в описании упражнения, оно предполагается как само собой очевидное, а умалчивается только потому, что об этом было сказано в самом начале. В том начале, когда ученик только пришел в философию.

Пьер Адо также приводит списки тех упражнений, которые были общими для всех школ философии эллинистического времени, т. е. о есть времени, когда христианство строило себя:.

„Благодаря Филону Александрийскому, однако, мы обладаем двумя перечнями упражнений...“

Философия включает в себя: поиск (zetesis), углубленное исследование (skepsis), чтение, слушание (akroasis), внимание (prosoche), самообладание (enkrateia), безразличие к безразличным вещам.

В другом последовательно называются: чтения, медитации (meletai), терапии страстей, воспоминания о том, что есть благо, самообладание, исполнение должного“ (Адо. Духовные. С. 25).

Вниманию при слушании и чтении стоит посвятить особый рассказ, тем более что о нем много рассказывает Фуко. Но это в следующей главе. Сейчас гораздо важнее, что все эти упражнения оказали влияние на христианскую мысль и образ делания самого себя. Вплоть до позднего Средневековья христианские мыслители, вроде Игнатия Лойолы, стоит им задуматься о духовных упражнениях, будут черпать вдохновение в античном наследии. Однако все началось в первые века.

Адо разворачивает потрясающую картину перетекания античной философии в христианскую мистику:

„Мы говорили, что фундаментальная установка стоического или платонического философа представляла собой prosoche, внимание к самому себе, бдительность в каждое мгновение. „Пробужденный“ человек беспрестанно, прекрасно осознает не только то, что он делает, но также и кто он есть, то есть свое место в космосе и свое отношение к Богу...“

Но это самосознание представляет собой не только моральное сознание, оно также является космическим сознанием: „внимательный“ человек беспрестанно живет в присутствии Бога, в „воспоминании о Боге“, радостно соглашаясь с волей универсального разума и видя всякие вещи самим взглядом Бога“.

Такова философская установка по преимуществу. Такова установка христианского философа. Она появляется уже у Климента Александрийского во фразе, возвещающей о духе, который будет царствовать позднее в монашестве философского вдохновения: „Поэтому мне и кажется, что божественный закон неизбежно должен был установить страх, [как меч] нависающий над нашими головами, дабы осмотрительностью (eulabeia) и вниманием (prosoche) философ мог приобрести и сохранить беззаботность духа..., во всех жизненных перипетиях оставаясь свободным от падений и чистым от греха“» (там же. С. 71).

Этот божественный закон, объявленный Климентом и легший в основание патристики, был не чем иным, как психологическим наблюдением, отметившим, что «внимание к себе приносит с собой душевное спокойствие, одну из целей, поставленных перед собой монашеством» (там же. С. 72).

Вполне естественно, внимание стало предметом изучения и других отцов церкви:

«Это внимание к самому себе является предметом знаменательной проповеди Василия Кесарийского. Опираясь на греческий вариант отрывка из Второзакония: „Берегись, чтобы не

вошла в сердце твое беззаконная мысль“, – Василий развивает целую теорию *prosoche*, находящуюся под сильным влиянием стоической и платонической традиции...

Это внимание к самому себе заключается для него в пробуждении в нас рациональных принципов мыслей и действия, которые Бог вложил в нашу душу...

Это *prosoche*, это внимание к самому себе, фундаментальная установка философа, станет фундаментальной установкой монаха» (там же. С. 72).

Я обрываю рассказ, хотя далеко не исчерпал всех примеров. Тем не менее, думаю, он достаточно убедительно показывает, что внимание было чрезвычайно важным предметом всех тех философий, которые хотели изменить человека. Утеряно оно лишь в той философии, которая стала речью о философии. Профессиональному философу внимание неинтересно, он решает иные задачи...

Глава 13. Семена души. Фуко

Мишель Фуко (1926–1984) разрабатывал понятие «заботы о себе» – *epimeleia heautou* – в курсе лекций, прочитанных им в Коллеж де Франс в 1981–82 годах под названием «Герменевтика субъекта». Затем он свел все свои соображения воедино во втором томе «Истории сексуальности», в главе «Культура себя».

Там он сделал несколько обобщающих замечаний об этом философском подходе, в частности, заявив, что термин *epimeleia* подразумевал не просто хлопоты, но целый комплекс вполне конкретных дел, а когда речь заходила о «себе», то *epimeleia* предполагала весьма тяжкий труд.

Суть этого труда, в каком бы именно упражнении он ни выражался, определялась определенным обращением к себе. Философ – это не знаток философии, это человек, воплощающий философию своей жизнью. Поэтому он вовсе не должен оставить все прочие занятия, отдавшись философии, но он должен постоянно помнить о главном: стремиться к себе, искать себя и соотноситься с собою.

Такое обращение, говорит Фуко, предполагает «сдвиг внимания», внимание становится ценностью, и его нельзя более тратить впустую, на праздное любопытство, на суету... Теперь эта драгоценная сила должна быть отдана самому главному – проращиванию семян души. Об этом он говорил еще в своих лекциях:

«Во всякой разумной душе, которая приходит в мир, содержатся семена добродетели; их-то и пробуждают к росту слова, те самые слова истины, что звучат вокруг и воспринимаются слухом. Как были посеяны в человеке семена добродетели, внедренные в него самой природой разума, так и пробудить их может логос, проникающий в душу...» (Фуко. Герменевтика. С. 364).

На примере этого упражнения ярче всего раскрывается роль внимания в философской аскезе, понимаемой именно как упражнение в воспитании и совершенствовании души. О каком именно упражнении говорит в данном случае Фуко как о философской аскезе? О совершенствовании в искусстве философского слушания. Этот предмет настолько неожиданен и в то же время необходим, что я намерен пересказать мысли Фуко предельно подробно.

Итак:

«Сделать истину своей, стать субъектом истинной речи – вот в чем, на мой взгляд, заключается самая суть философской аскезы...»

Исходным пунктом, начальным этапом, но также постоянной опорой этой аскезы как субъективации истинной речи будут все техники и все практики, касающиеся слушания, чтения, письма и говорения. Слушать, уметь слушать, читать и писать как надо, а также говорить – вся эта техника истинной речи и станет постоянной опорой и неизменным сопровождением аскетической практики» (там же. С. 360–361).

Не надо забывать, что «истинная речь» для грека со времен Гераклита – это божественный Логос. Что же касается излюбленного Фуко термина «субъективация», то проще всего ограничиться тем пониманием, что проскальзывает в первой строке этой выдержки: сделать истину своей, иными словами, присвоение и усвоение истины, тем самым превращение ее в некое личное свое качество, то есть в качество меня как субъекта.

Я не в силах буду пересказать всего, что относили в древности к искусству слушания, но необходимо упомянуть, что греки осознавали двойственность слуха. Фуко приводит выдержку из трактата Плутарха «О слушании», который сам перенял эту тему у Теофраста:

«В сущности, способность слушать, слух – это одновременно и самое *pathetikos*, и самое *logikos* из чувств. То, что оно самое *pathetikos*, означает – в очень приблизительном переводе – самое „страдательное“ из чувств. Иначе говоря, слушающая душа больше, чем когда она

пользуется любым другим – все равно, каким – чувством, пребывает в пассивном состоянии по отношению к внешнему миру и открыта всему, что оттуда идет и может застичь ее врасплох.

И Плутарх поясняет: невозможно не слышать того, что происходит вокруг. В конце концов, можно не смотреть: закрыть глаза. Можно избегать прикосновений. Можно не пробовать вещи на вкус. Но невозможно не слышать...

И потом, очевидно, что слух гораздо более, чем любое другое чувство, позволяет заворочить душу, открывая ее лстивым речам, делая чувствительной к красотам риторики, а равно подвергая воздействию – иногда благотворному, но иногда вредному – музыки» (там же. С. 362).

Это выглядит очевидным, но почти не поддается объяснению. Как если бы воспринятое другими органами чувств имело отношение к телу, а услышанное прямо направлялось к душе для понимания.

Поэтому, «говорит Плутарх, оно также и самое *logikos*. И, говоря *logikos*, он хочет сказать, что это чувство более, чем какое-либо другое, восприимчиво к логосу» (там же).

По сути, слух есть средство обретения логоса, что вовсе не значит, что ты его обретишь или не обретишь, если выслушаешь мудреца!

«В конце концов, не так уж плохо, что ухо, в сущности, пропускает в нас все как есть, без вмешательства воли, и что оно воспринимает всякий достигающий его логос. Так, говорит он, для учителя философии это даже очень удобно, потому что, даже если его не понимают или не слушают и вовсе ничего не делают, все равно что-то от его слов останется. Всегда остается что-то, потому что логос проникает в ухо и потом, независимо от того, хочет этого человек или нет, вершит невидимую работу в душе» (там же. С. 363).

Верша эту работу, логос и пробуждает семена добродетели в наших душах. Однако это еще не значит, что нам ничего не нужно делать, чтобы эта работа свершилась. Слушать тоже надо уметь. Тут Фуко обращается за помощью к Эпиктету. Речь, даже если это речь философа, состоит не только из сути, не только из логоса, она еще содержит в себе само говорение. И это опасно, потому что говорение улучшает:

«Слушающий, говорит Эпиктет, рискует оказаться в плену и там и остаться... И это та опасность, которой, со своей стороны, подвергается всякий слушающий, если он направляет внимание не туда, куда нужно» (там же. С. 366).

К философу приходят за логосом, но логос неотделим от говорения, «тем более неотделим от какого-то числа слов... слушать почти так же трудно, как и говорить...

Так вот, говорит Эпиктет, чтобы уметь говорить как нужно, с пользой, чтобы избежать напрасного или вредного говорения, требуется что-то вроде *tekhne*, некое искусство. И также для того, чтобы слушать, нужна *empeiria*, то есть навыки, опыт, некоторая сноровка. И также нужна *tribe* (*tribe* – это прилежание, постоянное упражнение)...

Эпиктет подчеркивает, что для того, чтобы говорить как следует, требуется *tekhne*, искусство. Тогда как для слушания нужны опыт, навыки, неустанное упражнение, внимание, усердие и т. д.» (там же. С. 366–367).

Чтобы слушать, нужны усердие, опыт, навыки и внимание.

Все это философское упражнение, обучающее слушать, предполагало длительное молчание, умение принять необходимую позу, но главное – это управление вниманием. Это управление предполагает несколько уровней. Начальный – нечто вроде обратной связи, позволяющей понять, что сказанное воспринимается:

«Существует, стало быть, наряду с фундаментальным, правило неподвижности, обеспечивающей качество внимания и прозрачность внимающей слову души, некая система условных знаков внимания, с помощью которых слушающий дает понять говорящему, что его слушают, и, кроме того, сам уверяется в том, что его внимание в точности следует за речью говорящего» (там же. С. 370).

Это упражнение сродни йогическим асанам в философии, позволяло говорящему видеть, слушает ли его ученик. Правильная поза, приняв которую слушающий выказывает внимание, в нужный миг одним движением бровей переспрашивает либо легким кивком подтверждает, что понял, не позволяет ученику спрятаться за свободной позой и скрыть свою тупость, а значит, и беспорядочное мельтешение мыслей.

Ученик должен уметь дать знак, что слушает и понимает, а также одобряет сказанное. Он должен уметь переспросить легким движением поднятого указательного пальца.

«Как видите, существует двойной регистр: неподвижность изваяния, которая обеспечивает внимание и дает логосу войти в душу, но одновременно вся эта семиотическая игра жестов и поз, с помощью которой слушающий показывает всем, а также себе самому, что он внимательно слушает, некоторым образом сам уверяется в том, что внимательно следит за речью и хорошо понимает ее, и в то же время задает ритм тому, кто держит слово, задает ритм речам и объяснениям очередного оратора.

Определенный род деятельного и осмысленного молчания – вот что требуется от хорошего слушателя философии. Такова, так сказать, физическая сторона регламентации внимания, обеспечения хорошего внимания и хорошего слушания» (там же. С. 373).

Молчание и правила физического слушания составляют подготовительные ступени к овладению собственно искусством внимания. И вот собственно искусство внимания.

Философская речь должна быть выслушана со всем вниманием. Без этого она не будет усвоена. Но речь, кроме логоса, несет в себе и говорение, которое может очаровывать душу и улучать ее во всяческие ловушки. Вот тут-то и начинается настоящая работа!

«...в том-то и должна заключаться работа слушателя, чтобы, слушая речь, по природе своей неизбежно двойственную, должным образом направлять свое внимание. Что означает – должным образом направлять свое внимание?

Это означает две вещи.

Во-первых, слушателю надо направлять свое внимание на то, что, согласно традиции, называют *to pragma*. *To pragma*... это очень строгий философский и грамматический термин, обозначающий то, о чем речь...

Надо постичь то, что сказано. Надо постичь то, что сказано этим логосом истины, уловить тот единственный смысл, который только и важен в философском слушании. Ибо *pragma* философского слушания – в той мере истина, в какой она преобразуется в наставление к действию» (там же. С. 376).

Иными словами, внимание должно быть направлено в речи не на звучание или красоту, а на то, что изменит твою жизнь, ибо настоящая философия действенна.

«И наконец, второй способ направить внимание в хорошем философском слушании состоит в том, чтобы вслед за тем, как сказанное уловлено одновременно и как истина, и как наставление, сразу приступить к запоминанию. Надо, чтобы сошедшее с языка того, кто это произносит, без промедления было воспринято, понято, хорошо уложено в сознании и закреплено в нем...

Плутарх приводит пример того, как ведут себя у брадобрея. Никто не уйдет от него, не взглянув на себя в зеркало, чтобы увидеть, как его постригли. И точно так же завершением философской беседы, урока философии должен стать быстрый взгляд на себя самого с тем, чтобы узнать и заметить себе: где это я нахожусь относительно истины, в самом ли деле выслушанный урок приблизил меня к истинной речи, позволил освоиться с ней; убедиться, насколько я готов сделать ее своей...» (там же. С. 378).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.